

Рoальд Дaль

ДЭННИ —
чемпион
мира

·РОСМЭН·

Рoальд Дaль

ДЭНИ —
чемпион мира

Повесть

Москва • РОСМЭН • 2005

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)
Д15

Roald Dahl
Danny the Champion of the World

Перевод с английского
М. Осемян и М. Шмелёвой

Оформление обложки
К. Зон-Зам,
Н. Торопицкой

Иллюстрации
Квентина Блейка

Text copyright © Roald Dahl Nominee Ltd, 1975
Illustrations copyright © Quentin Blake, 1994
All rights reserved
www.roalddahl.com

*Все права на книгу на русском языке принадлежат
издательству «РОСМЭН».*

*Ничто из нее не может быть перепечатано,
заложено в компьютерную память
или скопировано в любой форме — электронной, механической,
фотокопии, магнитофонной записи или какой-то другой —
без письменного разрешения владельца.*

Наш адрес в Интернете: www.rosman.ru

ISBN 5-353-01914-8

© Издание на русском языке.
ЗАО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005

Дарьяс урвондас

Посвящается всей семье:
Пэт, Тессе, Тео, Офелии и Люси

Меня зовут Дарьяс, и я родился в 1952 году. Я вырос в семье, где все было просто и честно. Мои родители были людьми, которые любили друг друга и своих детей. Я всегда чувствовал себя в безопасности и любви.

Я люблю свою семью и друзей, и я хочу поделиться с вами своей историей. Я хочу рассказать вам о том, как я вырос и о том, что я узнал из жизни. Я хочу рассказать вам о том, как я люблю свою семью и друзей, и я хочу поделиться с вами своей историей.

Жизнь в старом индийском городе была очень интересной. Я люблю свою семью и друзей, и я хочу поделиться с вами своей историей. Я хочу рассказать вам о том, как я вырос и о том, что я узнал из жизни.

Когда я был маленьким, я любил играть с друзьями. Я люблю свою семью и друзей, и я хочу поделиться с вами своей историей. Я хочу рассказать вам о том, как я вырос и о том, что я узнал из жизни.

Давайте знакомиться

Дэнни

Отец Дэнни

Доктор
Спенсер

Мистер
Рэббитс

Миссис
Клипстоун

Мистер
Виктор
Хейзл

Заправочная станция

Моя мама внезапно умерла, когда мне было четыре месяца. Моё воспитание целиком легло на плечи отца. Так я выглядел в то время.

У меня не было ни братьев, ни сестёр. И детство своё я провёл вдвоём с отцом. Итак, начиная с четырёхмесячного возраста и на протяжении всего моего отрочества нас было только двое — мой отец и я.

Мы жили в старом цыганском фургончике за заправочной станцией, которая принадлежала моему отцу. Ещё у него было небольшое поле. На этом список его владений заканчивается. Маленькая станция располагалась на узкой просёлочной дороге среди полей и лесов.

Когда я был младенцем, папа меня мыл, кормил, менял подгузники и делал тысячи мелочей, которые

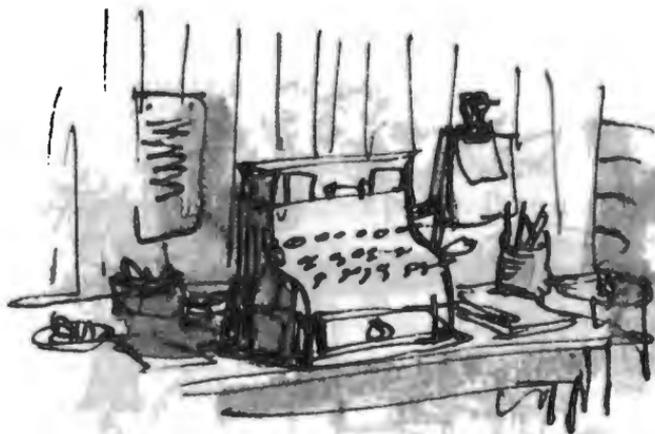
обычно делают мамы. Непростая задача для мужчины. Особенно если одновременно ему приходится зарабатывать на жизнь, возясь с моторами и обслуживая посетителей станции.

Но, казалось, его это не тяготило. Думаю, что любовь, которую папа питал к маме, он перенёс на меня. В раннем детстве я никогда не болел и был совершенно счастлив. Вот таким я был в возрасте пяти лет.

Весь перемазанный в масле. А всё потому, что с утра до ночи торчал в мастерской, помогая отцу чинить машины.

На станции было всего две заправочные колонки. Деревянная перегородка отделяла их от остального помещения, которое и служило нам конторой. В ней стояли старый стол и кассовый аппарат — только и всего. Касса открывалась нажатием кнопки, когда она выезжала, раздавался ужасный звон. Мне это безумно нравилось.

Квадратное кирпичное здание слева от конторы — мастерская. Мой отец строил её сам, с большой любовью и очень тщательно. Это была единственная основательная вещь в его владениях.

— Мы с тобой оба инженеры, ты и я, — говаривал он мне, — мы зарабатываем на жизнь тем, что чиним моторы. В развалившейся мастерской мы не сможем выполнять нашу работу хорошо.

Мастерская была достаточно просторной, туда спокойно можно было загнать машину. И даже ещё

оставалось место для работы. Мы обзавелись телефоном, чтобы клиентам удобнее было договариваться о ремонте.

Нашим домом был цыганский фургончик. Старый, разрисованный жёлтой, красной и синей краской. Отец говорил, что ему сто пятьдесят лет и что в его деревянных стенах родилось и выросло не одно поколение цыганских детишек. Должно быть, фургон этот исколесил вдоль и поперёк все дороги Англии. Но теперь он прописался навечно. Деревянные спицы начали гнить, и отец даже поставил камни под колёса.

Внутри фургон был не больше современной ванной комнаты. К задней стене были привинчены две койки, одна над другой. На верхней – спал отец, на нижней – я.

Электрический свет был только в мастерской. Электропроводку в фургоне сочли делом небезопасным. Поэтому тепло и свет мы получали совершенно так же, как это делали цыгане много лет назад. У нас была печка, которая топилась дровами и согревала нас зимой. С потолка свисала парафиновая лампа. На парафине работала и горелка, на которой мы кипятили чайник или разогревали еду. Когда приходило время мыться, отец кипятил чайник воды и выливал её в таз, затем раздевал меня и тёр изо всех сил, не разрешая садиться. Поэтому, думаю, я получался таким же чистым, как если бы мылся в ванне, а может, даже чище, потому что не сидел в собственной грязной воде.

Что касается мебели, два стула и маленький стол, не считая маленького комодика, — вот и всё, что создавало уют в нашем доме. Вот и всё, что нам было надо.

Наша уборная — маленький забавный деревянный домик — стояла в поле, чуть поодаль от фургона. Летом — прекрасно, но зимой... Бр-р... Как будто попал в холодильник.

Сразу за фургоном росла старая яблоня. Она давала чудесные плоды, которые созревали в середине сентября, и потом в течение четырёх недель можно было ими лакомиться. Несколько веток свисало на крышу нашего фургона, и, когда задувал ветер, яблоки падали на неё. По ночам, лёжа на своей койке, я слышал частое «бам», «бам», «бам», но эти звуки ничуть меня не пугали — я знал, откуда они берутся.

В общем, жизнь в цыганском фургоне мне нравилась. Особенно в те вечера, когда я уютно устраивался внизу, на койке, и отец рассказывал мне всякие

разные истории. Я смотрел на маленький огонёк в парафиновой лампе, на яркое пламя в старой печи — и до чего же это было здорово! Но самым чудесным было то, что я знал: когда сон возьмёт надо мной верх, мой отец всё ещё будет сидеть рядом со мной у огня либо лежать надо мной в своей постели.

Дружелюбный Гигант

Без сомнения, мой отец был самым потрясающим из всех отцов в мире. Вот, посмотрите на картинку.

Тот, кто не знал его близко, мог подумать, что он серьёзный и строгий. Ничего подобного. Он был ужасно весёлый человек. Просто он никогда не улыбался губами. Зато глаза его, удивительные голубые глаза, моментально вспыхивали, когда на ум ему приходило что-нибудь забавное. А если взглядеться повнимательнее, то можно было заметить в них золотистые пляшущие искорки. Только вот рот оставался неподвижным.

Мне нравилось, как отец улыбался глазами. Это означало, что он всегда со мной искренен. Ведь заставить глаза блестеть без особых на то причин невозможно. Другое дело рот. Двигая губами, всегда можно изобразить фальшивую улыбку. Я знал, что настоящая улыбка должна находить отклик в глазах. Я хочу сказать, если кто-нибудь улыбается вам, а глаза его не меняются, не верьте этому человеку. Он притворяется.

Моего отца нельзя было назвать образованным человеком. Не уверен даже, что он прочёл в своей

жизни более двадцати книг. Но какой он был замечательный рассказчик! Каждый вечер придумывал для меня какую-нибудь историю, и лучшие из них превращались в сериал и растягивались на много вечеров подряд. Одна из них длилась по меньшей мере пятьдесят вечеров.

Это была история про огромного парня по имени Дружелюбный Гигант. Сокращённо ДГ. ДГ был в три раза выше обыкновенного человека, с руками, как мельничные жернова. Он жил в большой подземной пещере, недалеко от заправочной станции, и выходил на улицу, только когда темнело. В пещере у него была мучная фабрика, на которой он изготавливал тысячи сортов волшебной муки. Время от времени, рассказывая про ДГ, папа вскакивал, расхаживал по фургону и размахивал руками. Но обычно он сидел на моей кровати, совсем рядом со мной, и говорил очень тихо.

— ДГ делает свою волшебную муку из снов, которые видят дети, когда засыпают, — говорил отец.

— А как? Расскажи мне, папа.

— Сны, мой дорогой, вещь мистическая. Они летают по ночному небу, как маленькие облачка, ищут спящих людей.

— А ты их видишь? — спросил я.

— Никто не может их видеть.

— Тогда как же ДГ их ловит?

— О, вот это самое интересное. Понимаешь, сон, когда летит по ночному небу, издаёт такой тихий жужжащий звук. Обыкновенное человеческое ухо его не слышит. Но у ДГ совершенно особый, фантастический слух, и он легко его улавливает.

Мне нравилось, как папа рассказывал сказки. Его лицо становилось бледным и как бы отрешённым от всего, что его окружало.

— ДГ может услышать, как передвигается по листу гусеница. Как разговаривают муравьи в своём муравейнике. Как кричит от боли дерево, когда его рубит дровосек. Да, мой милый, вокруг нас целый мир звуков, недоступных нашему уху.

— Что же происходит, когда он ловит сны?

— Он закрывает их в стеклянные бутылки и завинчивает пробкой. Таких бутылок у него тысячи.

— А он ловит и хорошие и плохие сны?

— Да-да. И те и другие. Но для производства своей муки он использует только хорошие сны.

— А что он делает с плохими?

— Он их взрывает.

Невозможно описать, как я любил отца. Когда он подсаживался близко ко мне на кровать, совсем близко, я протягивал руку, и он обхватывал мою кисть своими длинными пальцами, крепко и нежно.

— А что ДГ делает со своей волшебной мукой?

— В самую глухую ночную пору он ходит по деревьям, заглядывает в окна, чтобы найти дома, где

спят дети. Он очень высокий и поэтому легко может заглянуть в любое окно. И вот когда он находит спящего ребёнка, то открывает свой чемодан...

— Чемодан?

— Ну да. ДГ всегда носит с собой чемодан и длинную, с фонарный столб, трубку. В чемодане у него хранится мука. Итак, он открывает чемодан, выбирает нужный сорт муки, заправляет её в трубку, просовывает в комнату и... выдувает. Мука разлетается по комнате, спящий ребёнок вдыхает её и...

— И что тогда?

— И тогда, Дэнни, малышу снится чудесный волшебный сон... А когда сон доходит до самого волнующего момента, волшебная мука набирает полную свою силу воздействия, и тогда... тогда сон — это уже не сон, а явь. Ребёнок уже не спит в своей кроватке, он оказывается в том месте, куда его перенёс сон, и он начинает жить в нём... ну, по-настоящему жить... Ладно, на сегодня хватит. Уже поздно. Продолжим завтра. Спи спокойно, Дэнни!

Поцеловав меня, он тушил парафиновую лампу и садился перед печкой, от которой по комнате расходились таинственные блики.

— Пап, — шептал я.

— Что, сынок? — откликнулся отец.

— А ты когда-нибудь видел ДГ?

— Однажды. Только однажды.

— Вот как? А где?

— За нашим фургоном. Это было в ясную лунную ночь. Я выглянул в окно и неожиданно увидел *его*, огромного высокого человека, который сбегал вниз по холму. У него была странная подпрыгивающая походка, а за спиной развевался чёрный плащ, точь-в-точь как крылья у птицы. В одной руке он держал большой чемодан, в другой — трубку. Поравнявшись с высокой живой изгородью из боярышника, с той, на краю поля, он перешагнул через неё, будто её и не было, и исчез.

— Папа, а ты испугался?

— Пожалуй, нет. Я был очень взволнован при виде этой мрачной фигуры, но не испугался. А теперь — спать. Доброй ночи!

Машины, Воздушный змей и огненные шары

Мой отец был отличным механиком. Люди, живущие далеко-далеко от нас, вместо того чтобы обратиться в ближайшую автомастерскую, привозили свои машины к нам. Отец любил возиться с моторами.

— Работающий на бензине мотор — настоящее волшебство, — однажды сказал он мне. — Только представь, тысячи разных кусочков металла сложили в определённом порядке, добавили немного бензина и масла, потом — одно нажатие кнопки, и все эти кусочки оживают, начинают гудеть и рычать, колёса вращаются с фантастической скоростью...

Естественно, я тоже влюбился в моторы и машины. И неудивительно. Ещё до того, как я научился ходить, мастерская была моей игровой комнатой, а винтики, пружины и поршни моими игрушками. А куда ещё мог посадить меня отец, чтобы всё время держать под присмотром? Но, смею вас уверить, это намного интереснее пластмассовых игрушек, с которыми возится нынешняя ребятня.

Словом, буквально с рождения я начал готовиться к ремеслу механика.

Но когда мне исполнилось пять лет, встал вопрос о школе. По закону в этом возрасте родители обязаны отсылать своих детей в школу. Мой отец знал об этом.

Помню, в мой пятый день рождения мы работали в мастерской, тогда-то и зашёл разговор об

учёбе. Я как раз помогал отцу заменить футеровку тормозной педали в большом «форде», когда он неожиданно сказал:

— Знаешь, Дэнни? Ты лучший в мире пятилетний механик. Тебе нравится эта работа, правда?

Это был самый большой комплимент, который отец когда-либо мне говорил. Я был безмерно счастлив.

— Очень нравится.

Он повернулся ко мне и с нежностью положил руку на плечо:

— Я хочу, чтобы из тебя получился настоящий механик. И надеюсь, когда ты вырастешь, то станешь великим инженером. Будешь разрабатывать новые моторы для машин и аэропланов. Но для этого, — добавил он, — требуется хорошее образование. Пока что мне не хочется отдавать тебя в школу. Думаю, года через два здесь, со мной, ты узнаешь достаточно, чтобы разобрать маленький двигатель на мелкие детали, а потом снова собрать его. Вот тогда и пойдёшь в школу.

Вы, наверное, думаете, что мой отец был не в себе, пытаюсь сделать из маленького мальчика механика-профессионала? И напрасно. Я схватывал всё на лету и наслаждался каждой минутой учёбы. К счастью для нас, никто не интересовался, почему я до сих пор не посещаю школу.

Так пролетело два года, и в возрасте семи лет, хотите верьте, хотите нет, я действительно мог разобрать и собрать маленький мотор. Пришло время идти в школу.

Она находилась в ближайшей деревне, примерно в трёх милях от нашего дома. Поскольку собственной машины у нас не было, то я ходил

в школу пешком. Отец всегда шёл со мной. Он настоял на том, чтобы встречать меня. И когда занятия кончались в четыре часа, он уже поджидал меня, чтобы идти домой.

Так и текла наша жизнь. Мир, в котором я жил, состоял из заправочной станции, мастерской, фургона, школы, лесов и полей вокруг. Но я никогда не скучал. С моим отцом скучать было некогда. Планы, замыслы, идеи так и сыпались из него, как искры с точильного камня.

— Сегодня хороший ветер, Дэнни! — сказал он как-то субботним утром. — Как раз для воздушного змея. Давай его сделаем.

И мы сделали. Папа показал мне, как соединить четыре тонкие палочки в форме звезды и вставить между ними ещё две, для крепости. Потом мы разрезали папину старую синюю рубашку и натянули ткань на каркас. Привязали длинный хвост из нитей. Мы нашли в мастерской моток бечёвки, и отец показал мне, как прикрепить её к каркасу, чтобы при полёте у змея был хороший баланс.

Вместе с отцом мы поднялись на вершину холма за насосной станцией, чтобы запустить его. Мне не верилось, что предмет, сделанный из нескольких палочек и куска от старой рубашки, сможет летать. Я держал верёвку, а отец — самого змея. И вот когда он выпустил змея из рук, ветер подхватил его, и змей, как большая синяя птица, взметнулся в небо.

— Отпусти ещё немножко, Дэнни. Давай!

Змей поднимался всё выше и выше. Вскоре он превратился в маленькую голубую точку, танцующую в небе над моей головой. Я держал в руках что-то очень далёкое от меня и очень живое. И мысль об этом заставляла трепетать мое сердце. Это «что-то»

билось и дрожало на конце бечёвки, как большая рыба на крючке.

— Давай поведём его к дому, — предложил отец.

Мы спустились с холма, держа бечёвку, и змей продолжал яростно биться на другом её конце. Когда мы пошли к нашему фургончику, то стали очень осторожны: змей мог запутаться в ветках яблони.

— Привяжи его к ступенькам, — сказал отец.

— А он так и будет летать? — спросил я.

— Да, пока не утихнет ветер, — ответил отец.

Ветер не утих. Более того, произошло невероятное. Змей пробыл в воздухе всю ночь. И утром маленькая синяя точка по-прежнему плясала в небе. После завтрака я свернул змея и бережно повесил его на стену в мастерской. До следующего раза.

Вскоре после этого в один прекрасный тихий вечер, когда не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, отец сказал мне:

— Самая подходящая погодка для огненного шара. Давай-ка его смастерим.

Должно быть, он всё обдумал заранее, потому что у него оказалось четыре листа тонкой бумаги и баночка с клеем из магазина миссис Виттон. Ему потребовалось не больше пятнадцати минут, чтобы с помощью бумаги, клея, ножниц и тонкой проволоки смастерить огромный шар. Основание шара он забил ватой. Всё было готово к запуску.

Уже стемнело, когда мы принесли шар на поле за фургоном. С собой у нас была бутылка метилового спирта и спички. Я держал шар на вытянутых руках, пока отец осторожно наносил спирт на вату.

— Начинаем, — сказал отец, поднося спичку к комку ваты. — Дэнни, растягивай его как можно шире! — скомандовал он.

Длинный жёлтый язык пламени слизнул вату и устремился внутрь шара.

— Сейчас загорится! — закричал я.

— Нет, не сейчас. Смотри!

Мы с отцом растягивали шар как только могли, чтобы пламя не сразу добралось до бумаги. Шар постепенно наполнился горячим воздухом, опасность миновала.

— Вот теперь он почти готов, — сказал мне отец. — Чувствуешь, как он наполняется воздухом?

— Да! — закричал я. — Да! Может, отпустим его?

— Не сейчас... Подожди ещё чуть-чуть. Скоро он сам начнёт рваться из рук!

— Уже вырывается! — вскрикнул я.

— Отпускай! — закричал отец. — Пусть летит!

Медленно и торжественно, в абсолютной тишине наш чудесный шар начал пониматься в ночное небо.

— Он летит! — Я кричал, прыгал и хлопал в ладоши. — Летит! Летит!

Отец пребывал почти в таком же возбуждённом состоянии.

— Вот это красота, — сказал он. — Настоящая красота. Никогда не знаешь, что получится, когда их запускаешь. Каждый шар — разный.

Всё выше и выше, всё быстрее и быстрее шар поднимался в холодный ночной воздух. Волшебный огненный шар в небе!

— А другие люди его увидят?

— Наверняка, Дэнни. Он летит достаточно высоко, чтобы его заметили на многие мили вокруг.

— Папа, а что люди подумают?

— Подумают, что это летающее блюдце. Может, даже вызовут полицию.

Шар попал в струю лёгкого ветерка, и его стало относить в сторону деревни.

— Пойдём за ним, — сказал отец. — Если нам повезёт, мы найдём его, когда он приземлится.

Мы побежали к дороге. Потом побежали по дороге. Бежали и бежали.

— Он снижается! — закричал отец. — Пламени почти не видно!

Мы потеряли шар из виду, потому что всё пламя из него вышло. Но мы приблизительно рассчитали, на какое поле он приземлится, перелезли через ворота и побежали в этом направлении. Полчаса мы ползали по земле в полной темноте, но шар наш так и не нашли.

На следующее утро уже один я снова отправился на поиски. Я обыскал четыре больших поля, прежде чем нашёл его. Он лежал на краю поля, на котором паслось много белых и чёрных коров. Они столпились вокруг шара и таращили на него свои огромные влажные глазищи. Я принёс шар домой и повесил его рядом со змеем.

— Ты можешь запускать воздушного змея сам в любое время, — сказал мне отец. — Но шар без меня не трогай. Это очень опасно. Договорились?

— Договорились, — согласился я.

— Дэнни, пообещай мне никогда не запускать шар в одиночку.

— Обещаю.

Потом мы построили домик на дереве, на большом дубе, что рос на краю нашего поля. Сделали лук и стрелы. Лук четыре фута длиной из молодого

осинового дерева и стрелы, опущенные перьями из хвостов фазанов и куропаток. Сделали бумеранг, который после запуска всегда возвращался и падал к моим ногам.

И много-много всего.

А за два дня до моего дня рождения мне было запрещено заходить в мастерскую, потому что папа в тайне от меня что-то мастерил. А утром в день рождения из мастерской выехала удивительная машина на четырёх велосипедных колёсах, сделанная из нескольких больших коробок из-под мыла. И это была не просто игрушечная поделка. У машины имелась тормозная педаль, руль, удобное сиденье и достаточно крепкий бампер, чтобы выдержать удар. Я назвал её Мыльницей, и почти каждый день втаскивал её на вершину холма в поле за заправочной станцией, а потом на колоссальной скорости съезжал вниз, бросаясь в неё, как ковбой на дикую лошадь.

Как видите, в возрасте восьми лет моя жизнь с отцом была очень насыщенной. И всё же мне хотелось, чтобы поскорее стало девять. Я думал, что тогда моя жизнь будет ещё увлекательнее.

Как выяснилось, я был не совсем прав. Девятый год моей жизни оказался более волнующим, чем все другие. Но, пожалуй, не всё, что в нём произошло, можно назвать увлекательным.

Страшная тайна отца

Это я в возрасте девяти лет. Фотография сделана, когда ещё ничего не началось и я ни о чём не волновался.

Когда вы вырастаете, как повзрослел той осенью я, то узнаете, что совершенных отцов не бывает. Взрослые — сложные существа, у них полно причуд и секретов. У одних причуд и секретов больше, у других меньше. Но все они, в том числе и родители, прячут в рукаве одну-другую странную привычку, узнав о которой вы бы просто умерли от удивления.

Вся оставшаяся часть этой книги посвящена тайной привычке моего отца, которая и ввергла нас с ним в водоворот необычайных приключений.

Всё началось в субботу. Это была первая суббота сентября. Около шести часов вечера мы, как обычно, поужинали в нашем фургоне. Потом отец рассказал мне увлекательную историю, поцеловал в лоб, и я заснул.

Среди ночи я почему-то проснулся и лежал, пытаясь уловить дыхание отца. Тишина. Можно было не сомневаться: отца в фургоне не было. Видимо, он ушёл в мастерскую, чтобы закончить какую-то работу. Он частенько уходил туда, уложив меня спать.

Я стал прислушиваться, пытаюсь уловить привычные звуки, которые могли доноситься из мастерской: скрежет металла о металл или удары молотка. Эти звуки всегда успокаивали меня — звуки в ночи, которые говорили мне, что отец где-то тут, рядом.

Но этой ночью из мастерской не доносилось ни звука. Заправочная станция наполнилась тишиной.

Я встал и нашёл у раковины коробок спичек. Зажёг одну и поднёс её к старым смешным часам, которые висели на стене, над чайником. Они показывали десять минут двенадцатого.

Я подошёл к двери и тихо позвал:

— Папа, ты где?

В ответ тишина.

В фургон можно было подняться по четырём ступеням, которые заканчивались деревянным настилом у двери. Я встал на этот настил и огляделся вокруг.

— Папа! — крикнул я. — Где же ты?

Молчание.

Как был, в пижаме и босиком, я спустился по ступеням и пошёл в мастерскую. Нащупал выключатель, повернул его. Старая машина, над которой мы трудились весь день, стояла на месте, но отца не было.

Я вам уже говорил, что собственной машины у отца не было. Следовательно, уехать покататься он не мог. Да и в любом случае он бы этого не сделал. Не оставил бы меня здесь одного.

Тогда, подумал я, отец, должно быть, внезапно заболел, упал и лежит теперь где-то с разбитой головой.

Я взял со скамейки фонарь — без света отца не найти. Осмотрел фургон. Обошёл его вокруг. Обошёл мастерскую.

Побежал в поле, к уборной. И там пусто.

— Папа! — крикнул я в темноту. — Папа, ты где?

Я бросился обратно в фургон, осветил на отцовскую кровать, чтобы окончательно убедиться, что его нет.

Я стоял в темноте и впервые в жизни ощутил, как меня охватывает страх. Заправочная станция находилась на приличном расстоянии от ближайшей фермы. Я стянул с постели одеяло и накинул его на плечи. Потом вышел на улицу и сел на крыльце, поставив ноги на верхнюю ступеньку. Полная луна выкатилась на небо, по обеим сторонам дороги тянулись поля, пустынные и бледные в лунном свете.

Не знаю, как долго я там просидел. Может, час, а может, два. И ни разу не задремал. Я всё время прислушивался. Мне казалось, если слушать очень внимательно, то непременно уловлю какой-нибудь звук, который подскажет мне, где отец.

В конце концов откуда-то издалека, с дороги, до меня донёсся звук шагов.

Шаги с каждой секундой приближались.

Топ... топ... топ... топ...

Это отец? Или кто-то другой?

Я сидел тихо, вглядываясь в дорогу, едва различимую в лунной дымке.

Топ... топ... топ... топ...

Вдруг из лунной темноты появилась фигура.

Отец!

Я спрыгнул со ступенек и со всех ног помчался к нему.

— Дэнни! — закричал он. — Что, скажи на милость, произошло?

— Я думал, с тобой случилось что-то ужасное, — пробормотал я.

Он взял меня за руку и в полной тишине повёл до фургона. Потом уложил в кровать.

— Прости меня, — сказал отец. — Я не должен был этого делать. Но ведь раньше ты никогда не просыпался, разве не так?

— Папа, куда ты ходил?

— Ты, наверное, устал.

— Я не устал. Может, мы ненадолго зажжём лампу?

Отец поднёс спичку к фитильку лампы, свисающей с потолка, и слабое желтоватое пламя осветило фургон.

— Давай выпьем чего-нибудь горячего, — предложил он.

— Давай.

Он зажёл парафиновую горелку и поставил чайник.

— Я тут решил кое-что, — сказал он. — Хочу посвятить тебя в страшную тайну всей моей жизни.

Я сидел на кровати и наблюдал за отцом.

— Ты спросил, где я был. Так вот, я был в лесу мистера Хейзла.

— В лесу? Так далеко?

— Шесть с половиной миль, — пояснил отец. — Я знаю, что не должен был уходить. И очень, очень сожалею. Прости. Но у меня была на то причина.. — Его голос затих.

— Зачем тебе понадобилось идти в лес мистера Хейзла? — спросил я.

Он насыпал в две кружки какао-порошок с сахаром, медленно и аккуратно перемешивая, будто имел дело с лекарством.

— Ты знаешь, что такое браконьерство? — спросил он.

— Браконьерство? Нет, не совсем.

— Это когда охотники забираются ночью в чужой лес и приносят оттуда что-нибудь для котелка. В разных местах и браконьерство разное. В наших краях это в основном фазаны.

— Ты имеешь в виду, что их крадут?

— Не совсем так. Охота — это искусство. Великий браконьер — это великий артист.

— Так ты этим занимался в лесу? Ловил фазанов?

— Да, я оттачивал своё мастерство, — сказал он. — Мастерство браконьерства.

Я был потрясён. Мой отец — вор! Этот заботливый, замечательный человек! Я не мог поверить в то, что по ночам он ходит по чужому лесу и ловит ценных птиц, принадлежащих кому-то другому.

— Чайник кипит, — сказал я.

— А, да.

Отец разлил кипяток по кружкам и принёс мне мою. Затем взял свою кружку и присел на краешек моей кровати.

— Твой дедушка, мой отец, был величайшим браконьером. Он и меня всему научил. Я заразился от него браконьерской лихорадкой, когда мне было десять, и с тех пор никак не могу от неё избавиться. Понимаешь, в те времена почти каждый мужчина в нашей деревне выходил по ночам в лес на ловлю фазанов. И делали они это не только из спортивного интереса, а чтобы прокормить семью. Во времена моего детства в Англии было много безработных, и многие семьи буквально голодали. А в лесах богатых людей тысячи фазанов кормили как королей, дважды в день. Разве можно винить моего отца в том, что он время от времени отправлялся в лес и приносил оттуда пару птиц на ужин?

— Нет, конечно, нет. Но мы же не голодаем, папа.

— Не в этом дело, Дэнни, мальчик мой! Ты главное упустил. Браконьерство — захватывающий, увлекательный вид спорта. Однажды попробовав, невозможно остановиться. Только представь на

минуту, — сказал отец, поднимаясь с кровати и жестикулируя кружкой. — Только представь: ты один в тёмном лесу, а лес полон сторожей, притаившихся за деревьями, и у них у всех ружья...

— Ружья?! — Я чуть не задохнулся. — У них нет ружей.

— У всех сторожей есть ружья, Дэнни. Иначе как они будут защищаться от всяких бродяг, от лис, горностаев и ласок, которые охотятся на фазанов? Но у них найдётся и котелок для браконьера, если они его выследят.

— Пап, ты шутишь?

— Вовсе нет. Но стреляют сторожа, только когда ты пытаешься убежать. Они предпочитают перец и стреляют в ноги с расстояния примерно тридцать ярдов.

— Да как они смеют! — воскликнул я. — Они могут попасть в тюрьму за стрельбу по людям.

— В тюрьму можно попасть и за браконьерство, — уточнил отец. В его глазах появился блеск, который я раньше не замечал. — Когда я был мальчиком, как ты, Дэнни, и ночью иногда заглядывал на кухню, то видел, как мой отец лежит на столе лицом вниз, а мама стоит над ним и кухонным ножом выковыривает у него из затылка ружейную дробь.

— Это неправда, — сказал я, смеясь.

— Ты мне не веришь?

— Да нет, верю.

— Он весь был усыпан маленькими белыми шрамами, словно снежинками.

— Не знаю, почему я смеюсь. Ведь это не смешно, а ужасно, — сказал я.

— «Браконьерская печать», вот как они это называли. И не было в деревне почти ни одного мужчины,

который бы не носил её. Но мой отец был среди них чемпионом. Как тебе какао?

– Вкусное, спасибо.

– Если ты голоден, можем устроить ночную фиесту, – предложил отец.

– Правда, папа?

– Конечно.

Отец достал жестянку с хлебом, масло, сыр и стал делать бутерброды.

– Позволь мне рассказать тебе об этой так называемой охоте на фазанов, – начал он. – Прежде всего ею занимаются только богатые. Только очень

богатые люди могут позволить себе разводить фазанов, чтобы потом, когда они подрастут, застрелить их ради удовольствия. Эти богатые идиоты покупают у фермеров птенцов и откармливают их, тратя на это уйму денег. Затем выпускают в леса, под присмотр сторожей, и те кормят птиц дважды в день отборным зерном до тех пор, пока они, можно сказать, перестают летать — такими становятся жирными. После этого нанимают людей, которые идут по лесу и хлопают в ладоши, чтобы поднять в воздух почти прирученных фазанов и направить их на ружья совсем спёкшихся от солнца охотников. А затем — бах, бах, и фазаны падают на землю. Ты хочешь бутерброд с клубничным джемом?

— Да, пожалуйста, один бутерброд с джемом, другой с сыром. Но папа...

— Что?

— Как ты на самом деле ловишь фазанов? У тебя где-нибудь спрятано ружьё?

— Ружьё?! — с отвращением воскликнул отец. — Дэнни, настоящие браконьеры не отстреливают фазанов, разве ты не знаешь? Только взведи курок, и эти сторожа тут же на тебя навалятся.

— Тогда как же ты это делаешь?

— О!

Отец прикрыл глаза и, растягивая удовольствие, намазал на хлеб толстый слой клубничного джема.

— Это большой секрет, — сказал он. — На самом деле большой секрет. Но думаю, если мой отец открыл его мне, то почему бы мне не открыть его тебе. Так ты хочешь, чтобы я тебе рассказал?

— Очень. Расскажи прямо сейчас.

Секретный способ

— Мой старик изобрёл лучшие в мире способы охоты на фазанов. Он изучал этот процесс подобно тому, как учёные изучают науку.

Отец положил бутерброды на тарелку и принёс мне. Я поставил тарелку на колени и начал есть. Я был голоден как волк.

— Знаешь, мой старик держал на заднем дворе кур, чтобы время от времени практиковаться на них. Курица очень похожа на фазана. Обе эти птицы одинаково глупы и едят одно и то же. Только курица более ручная, вот и всё. Так что, когда мой отец придумывал новый способ охоты на фазанов, он сначала попробовал его на курах.

— Какой же способ самый лучший?

Положив наполовину съеденный бутерброд на край раковины, отец секунд двадцать молча смотрел на меня хитрым взглядом.

— Обещай, что никому не скажешь.

— Обещаю.

— Так вот, слушай. Первый способ. Но это секрет. Нет, это больше чем секрет, Дэнни. Это величайшее открытие за всю историю охоты на фазанов.

Он придвинулся ко мне поближе. Лицо его казалось бледным в желтоватом свете лампы, свисающей с потолка, но глаза сияли, как звёзды.

— Так вот... — Голос отца стал вдруг тихим, мягким и вкрадчивым. → *Фазаны, — прошептал он, — обожают изюм.*

— Это и есть большой секрет?

— Именно так. Хотя, может, это звучит и не очень здорово, но ты уж мне поверь.

— Изюм? — повторил я.

— Обыкновенный изюм. Они сума по нему сходят. Стоит бросить фазанам горсть изюма, как они тут же набрасываются на него. Мой отец открыл это сорок лет назад. Как и много других полезных вещей, о которых я собираюсь тебе рассказать.

Отец замолчал и бросил взгляд через плечо, как будто хотел убедиться, что никто не подслушивает у дверей фургона.

— Способ номер один, — тихо проговорил он, — называется «Конский волос».

— «Конский волос»?

— Ну да. И достоинство этого замечательного способа заключается в том, что он абсолютно бесшумный. Никакого хлопанья крыльев, никакого хлопанья, когда фазан пойман. А это очень важно, Дэнни. Ведь когда ты находишься ночью в лесу и ветви деревьев, словно призраки, нависают над тобой, стоит полная тишина, можно услышать, как пробегает мышь. И где-то в этой тишине затаились

и прислушиваются сторожа. Они там всегда, эти сторожа, стоят начеку за каждым кустом, за каждым деревом, и ружья у них всегда наготове.

— А что же способ «Конский волос»? Как он применяется?

— Очень просто. Для начала необходимо взять несколько изюмин, залить на ночь водой и дать постоять. Они разбухнут и станут мягкими. Потом нужно взять конский волос и разрезать его на несколько частей.

— Конский волос? А где берут конский волос?

— Разумеется, выдирают у лошади из хвоста. Это делается очень просто, нужно только встать сбоку, чтобы лошадь тебя не лягнула. Продолжаю. Разрезанные части волоса необходимо протащить сквозь середину изюмины так, чтобы его кончики торчали с обеих сторон. Вот и всё. Если хочешь поймать несколько фазанов, изюма потребуется больше. Потом, с наступлением вечера, нужно пробраться в лес до того, как фазаны устроятся на ночлег. Затем ты разбрасываешь изюм. Вскоре приходят фазаны и проглатывают его.

— А что потом?

— Благодаря конскому волосу изюм застревает у фазана в горле, птице это не вредит, только щекочет нёбо. Но самое интересное, хочешь верь, хочешь нет, фазан становится неподвижным, словно замирает. Стоит на месте и крутит своей глупой головой туда-сюда. Тебе остаётся только быстро выскочить из укрытия и сунуть его в мешок.

— Папа, это правда?

— Клянусь, — ответил отец. — Если к фазану применили способ «Конский волос», можно поливать его водой из шланга, он и не шелохнётся. Это, конечно,

необъяснимо, но факт. И нужно быть гением, чтобы додуматься до такого.

Отец замолчал, в его глазах светилась гордость за своего собственного отца, великого браконьера и изобретателя.

— А какой способ номер два? — спросил я.

— О, это очень красивый способ. Я даже помню день, когда он был изобретён. Мне было почти столько же, сколько сейчас тебе. Воскресным утром мой отец вошёл на кухню с огромной белой курицей в руках. «Кажется, я сделал это, — сказал он с победоносной улыбкой на лице и быстро положил курицу на середину стола. — Прощай, курочка. На этот раз всё вышло замечательно». «Что вышло? — спросила мама, поднимая голову от раковины. — Хорас, убери эту паршивую птицу с моего стола».

На голове птицы была маленькая смешная шапочка из бумаги, словно перевернутый стаканчик мороженого. Отец ткнул в курицу пальцем и с гордостью сказал: «Ударь её, ну, давай, тхни её. Делай всё, что хочешь. Она не пошевелится». Курица начала скрести лапой по бумажному колпаку, но тот сидел словно приклеенный. «Ни одна птица в мире не сможет убежать, если у неё закрыты глаза».

Отец начал тыкать курицу пальцем и двигать её по столу. Курица не обращала на это никакого внимания. «Попробуй сама», — сказал маме отец. — «Сверни ей шею, ощипи и приготовь на ужин. Отметим моё новое изобретение». Потом он взял меня за руку, мы быстро вышли за дверь и пошли через поле в большой лес на другой стороне Литтл-Хэмптона, который когда-то принадлежал герцогу Букингемскому. И менее чем за два часа поймали пять чудесных жирных фазанов — больше времени потребовалось бы на то, чтобы дойти до магазина и купить их.

Отец остановился и перевёл дыхание. Глаза его ярко сияли, потому что он перенёсся в мир своего детства.

— Но послушай, папа, — сказал я, — как же можно надеть на фазанов бумажные колпаки?

— В жизни не догадаешься, Дэнни.

— Скажи мне.

— Тогда слушай, слушай внимательно, — сказал отец и снова оглянулся на дверь, словно ожидая увидеть на пороге сторожа или самого герцога Букингемского. — Прежде всего нужно выкопать в земле маленькую ямку. Затем свернуть бумагу в форме колпачка и положить её в ямку, пустым концом вверх. Получится что-то вроде чашки. Изнутри её надо смазать клеем и положить на дно несколько изюми-

нок. Ещё несколько штук изюма следует разбросать на земле около ямки. Потом нужно выложить узкую тропинку из изюма, подводящую к колпачку. Фазан съедает изюм на земле и подходит к ямке. Суёт туда голову, и тут уж дело за клеём. Бумага приклеивается к голове фазана, да так, что фазан ничего не видит и освободиться уже не может. Фантастика, не правда ли, Дэнни? Мой отец назвал этот способ «Шапкой-самоклейкой».

— И сегодня ты использовал этот способ? — Отец кивнул.

— И сколько фазанов ты поймал?

— Ну, вообще-то ни одного, — кротко сказал он. — Я слишком поздно пришёл в лес. Птицы уже спали в своих гнёздах. Это говорит о том, что я потерял сноровку.

— И всё же ты повеселился, да?

— Конечно, совсем как в прежние дни. Было просто замечательно.

Он разделся и натянул пижаму. Потом выключил лампу и лёг в постель.

— Папа, — тихо позвал я.

— Что?

— А ты часто этим занимался, пока я спал?

— Нет. Сегодняшняя ночь — первая за девять лет. Когда умерла твоя мама и мне пришлось взять на себя все заботы о тебе, я дал зарок бросить браконьер-

ство, пока ты не повзрослеешь и тебя можно будет оставлять по ночам одного. Этой ночью я снял с себя зарок. Меня с такой силой потянуло в лес, что я не мог противиться. Прости меня.

— Если ты ещё захочешь пойти в лес, я не против, — сказал я.

— Правда? — Его голос дрогнул от волнения. — Ты в самом деле не против?

— Да. Только предупреждай меня заранее, хорошо? Обещаешь?

— А ты уверен, что не передумаешь?

— Абсолютно уверен.

— Милый мой мальчик. Когда захочешь, у нас на ужин будет жареный фазан. Только скажи. Фазан в тысячу раз вкуснее курицы.

— Папа, а ты не мог бы когда-нибудь взять меня с собой?

— О, ты пока ещё мал, чтобы болтаться по лесам в темноте. Мне бы не хотелось, чтобы ты попал в руки сторожей и получил заряд перца ниже спины.

— Но ведь твой отец брал тебя с собой в моём возрасте, — возразил я.

На несколько секунд воцарилась тишина.

— Посмотрим, как пойдёт. В любом случае сначала мне нужно потренироваться, чтобы обрести быструю сноровку. Я ничего не обещаю, понимаешь?

— Да.

— Спокойной ночи, Дэнни.

— Спокойной ночи, папа.

Мелкий, но очень быстрый и ловкий зверёк, напоминающий кролика, сидел на ветке дерева. Он был покрыт тёмными пятнами и полосками, что помогало ему сливаться с окружающей средой. Зверёк смотрел в сторону, его уши были направлены вперёд.

Мистер Виктор Хейзл

В пятницу за ужином отец сказал мне:

— Дэнни, если ты не против, завтра ночью я пойду в лес.

— Ты говоришь об охоте?

— Да.

— Опять в лес мистера Хейзла?

— Конечно. Во-первых, в его лесу много фазанов.

Во-вторых, мистер Хейзл мне не нравится. Поэтому я с превеликим удовольствием буду ловить его птиц.

Теперь я должен немного рассказать вам о мистере Викторе Хейзле. Он был пивоваром и владел огромной пивоварней. Богатый до ужаса. Его владения простирались на целые мили по обе стороны долины. И все земли справа и слева от дороги тоже принадлежали ему. Все, кроме маленького клочка земли, на котором стояла наша заправочная станция. Крошечный островок посередине океана владений мистера Хейзла.

Он был величайший из снобов, высокомерный тип, который общался только с правильными, с его точки зрения, людьми. Он охотился с собаками, устраивал вечеринки и носил смешные жилеты. Каждый день, кроме уик-эндов, мистер Хейзл, направляясь к себе на пивоварню, проезжал мимо нашей заправочной станции. Иногда мельком в окне его огромного серебристого «роллс-ройса» можно было заметить розовое, словно у поросёнка, распухшее от слишком большого количества пива лицо.

— Нет, — сказал отец, — я не люблю мистера Виктора Хейзла. Не могу забыть, в каком тоне он разговаривал с тобой в прошлом году, когда заезжал на заправку.

Я тоже этого не забыл. Мистер Хейзл остановил свой огромный сверкающий «роллс-ройс» около колонки и сказал мне:

— Заправь бак как следует.

Мне тогда было восемь лет. Из машины он не вышел. Протянул мне ключи от крышки бака и рывкнул:

— И не распускай свои руки-крюки, понял?

Я ничего не понял, поэтому переспросил:

— Что вы имеете в виду, сэр?

На сиденье рядом с ним лежал кожаный кнут для верховой езды. Он взял его, свернул и наставил на меня как пистолет.

— Если ты оставишь хоть один след от своих пальцев на моей машине, я выйду и задам тебе хорошую порку.

В этот момент отец выскочил из мастерской ещё до того, как мистер Хейзл успел закрыть рот. Большими шагами подошёл к машине и положил руки на опущенное стекло.

— Мне не нравится, как вы разговариваете с моим сыном, — сказал он устрашающе спокойным тоном.

Мистер Хейзл даже не взглянул на него. Он сидел в своём «роллс-ройсе», устремив взгляд своих порсячьих глазок прямо перед собой. Только в уголках его губ появилась высокомерная ухмылка.

— У вас нет причин угрожать ему. Он ничего плохого не сделал.

Мистер Хейзл продолжал делать вид, что моего отца не существует.

— В следующий раз, когда захотите кого-нибудь выдрать, подыщите человека своей комплекции. Например, меня.

Мистер Хейзл остался недвижим.

— А теперь уезжайте, пожалуйста. Мы не желаем вас обслуживать.

Он взял из моих рук ключ и бросил его в окно. «Роллс-ройс» быстро скрылся из виду в облаке пыли.

На следующий день к нам приехал инспектор из местного департамента здравоохранения, как он сказал, проверить санитарное состояние нашего фургона.

— Зачем вам понадобилось проверять наш фургон? — поинтересовался отец.

— Чтобы выяснить, пригоден ли он для жилья. В наши дни людям не разрешается жить в грязных лачугах.

Отец показал ему фургон, в котором не было ни единого грязного пятнышка и в котором, как всегда, было очень уютно. Инспектору пришлось уйти ни с чем.

Вскоре после этого к нам пожаловал другой инспектор и взял на пробу бензин из баков, хранившихся в подвале. Отец объяснил мне, что инспектор хотел

проверить, не смешиваем ли мы сорта бензина, как это делают многие владельцы заправочных станций в округе. Но, конечно, мы этим не занимались.

Недели не проходило, чтобы к нам не нагрянул какой-нибудь проверяющий. Можно не сомневаться, говорил отец, что за всем этим действовала длинная и сильная рука мистера Хейзла, который пытается согнать нас с земли.

Думаю, теперь вы понимаете, почему моему отцу доставляло определённое удовольствие охотиться во владениях этого господина.

В этот вечер мы замочили на ночь изюм.

Следующий день был днём охотничьим. С самого утра отца охватило радостное волнение. Была суббота, поэтому я остался дома. Почти весь день мы провозились в мастерской, прочищая от осадка цилиндры «остина седьмого», принадлежащего мистеру Претчету. Это была замечательная маленькая машина выпуска 1933 года, настоящее чудо из чудес, которая бегала так легко, будто ей было не сорок с лишним лет, а куда меньше. Мой отец говорил, что эти «остины-семь», в своё время известные под названием малютки «остины», были самой удачной моделью из всех, когда-либо увидевших свет. Мистер Претчет, у которого была ферма по выращиванию индеек недалеко от Айлсбери, очень гордился своим «остином» и всегда ремонтировал его только у нас.

Ближе к вечеру отец сказал:

— Я хотел бы уйти в шесть часов. Тогда доберусь до леса как раз, когда начнёт темнеть, в сумерках.

— Почему тебе нужно попасть в лес именно в сумерках?

— Потому что в это время в лесу всё покрывается серой дымкой. Ещё вполне можно передвигаться, но и остаться самому незамеченным. А в случае чего легко спрятаться среди теней, которые чернее волчьей пасти.

— А почему бы тебе не дождаться полной темноты? Тогда тебя никто не разглядит.

— Но тогда ничего и не поймаете, а ведь идёшь-то именно за этим. С наступлением ночи фазаны разлетаются по своим гнёздам среди деревьев. Они такие же птицы, как все. Никогда не спят на земле. Сумерки, — добавил отец, — начинаются на этой неделе в семь тридцать. До леса не меньше полутора часов ходу, так что, хочешь не хочешь, а придётся уйти не позже шести.

— А какой метод ты собираешься использовать: «Шапку-самоклейку» или «Конский волос»?

— «Шапку-самоклейку». Уж больно он мне по душе.

— А когда ты вернёшься?

— Думаю, часов в десять. В худшем случае — в половине одиннадцатого. Обещаю, в половине одиннадцатого буду дома. Ты уверен, что сможешь остаться один?

— Совершенно уверен. Но с тобой ведь будет всё в порядке? Правда, папа?

— Конечно, не волнуйся, — сказал он, обнял меня за плечи и прижал к себе.

— Но ты ведь говорил, что в вашей деревне не было ни одного мужчины, которого рано или поздно не подстрелили бы сторожа.

— Ах да. Я это говорил? В те времена сторожей было куда больше, чем сейчас. Они подстерегали буквально за каждым деревом.

— А сколько сторожей в лесу мистера Хейзла?

— Не так много. Совсем немного.

По мере того как день угасал, мой отец становился всё более возбуждённым. К пяти часам мы закончили работу над малюткой «остинотом» и выкатили его на дорогу, чтобы опробовать.

К ужину, состоящему из сосисок и бекона, мы приступили совсем рано — в половине шестого. Отец почти не притронулся к еде. Ровно в шесть часов, поцеловав меня на прощание, он сказал:

— Пообещай, что не будешь ждать меня, Дэнни. Ложись спать в восемь, хорошо?

Он шагал по дороге, а я стоял на крыльце и смотрел, как он идёт. Мне нравилась его походка. У него был крупный размашистый шаг, как у всех сельских жителей, которым приходится пешком покрывать большие расстояния. На нём был старый тёмно-синий свитер и ещё более старая кепка на голове. Он обернулся и помахал мне рукой. Я махнул ему в ответ. Потом за поворотом он исчез.

Малютка «Остин»

Войдя в фургон, я встал на стул и зажёл масляную лампу под потолком. Самое время сделать уроки, которые мне задали на уик-энд. Я разложил на столе учебники и сел. Но мои мысли витали где-то далеко. Сконцентрироваться на учёбе я так и не смог.

Часы показывали половину восьмого. Темнело. Должно быть, отец уже на месте. Я представил, как он в старом тёмно-синем свитере и кепке с козырьком неслышной походкой пробирается по чаще. Как он обходит сторожей и движется напрямик к своей цели. Он сказал мне как-то, что надевает тёмно-синий свитер, так как он сливается с темнотой. Чёрный подошёл бы больше, но чёрного свитера у него не было. Он также сказал, что немаловажную роль играет и кепка, потому что козырёк отбрасывает тень на лицо. Как раз сейчас он, наверное, продирается сквозь живую изгородь и скоро окажется в лесу. Я вижу, как он осторожно шагает по усыпанной листьями земле, останавливается, прислушивается, снова возвращается и всё время приглядывается не стоит ли за каким-нибудь большим деревом сторож с ружьём. Он говорил: сторожа стоят на посту почти неподвижно, как столбы. И не так-то просто разглядеть за деревом неподвижную фигуру в сумерках, когда тени становятся тёмными, будто волчья пасть.

Я закрыл учебники. Бесполезно сидеть над ними, когда тебя обуревают совершенно другие мысли.

Я разделся, надел пижаму и забрался в кровать. Лампу гасить не стал. Вскоре я заснул.

Когда я снова открыл глаза, лампа ещё горела, а часы на стене показывали десять минут третьего.

Десять минут третьего!

Я вскочил и взглянул на койку надо мной. Она была пуста.

Он же обещал, что вернётся самое позднее к половине одиннадцатого!

Он опаздывал на целых четыре часа!

В этот момент неясное ощущение чего-то страшного навалилось на меня. Я совершенно отчётливо почувствовал: с отцом что-то случилось. И именно в это самое время. Я весь похолодел от ужаса. Главное — не впадать в панику.

«Спокойно, — сказал я себе. — Не паникуй. Последнюю неделю ты всё время чего-то боялся и потому наделал глупостей»:

Да, но в последнюю неделю всё было совсем по-другому. Отец не давал тогда никаких обещаний. А теперь он сказал: «Вернусь к половине одиннадцатого». Это его точные слова. А он никогда, абсолютно никогда не нарушал своих обещаний.

Я снова взглянул на часы. Отец вышел из фургона в шесть, значит, его нет уже больше восьми часов. Мне потребовалось меньше двух секунд, чтобы принять решение.

Я быстро снял пижаму, натянул на себя рубашку и джинсы. Возможно, он ранен так сильно, что теперь не в состоянии идти. Я надел свитер. Он не был ни тёмно-синим, ни чёрным. Просто светло-коричневый. Но что поделаешь? Идти всё равно надо. Кто знает, может, он лежит в лесу и истекает кровью. Мои туфли тоже были неподходящего

цвета. Белые. Правда, от грязи они потеряли свой цвет и стали почти чёрными. Интересно, сколько потребуется времени, чтобы дойти до леса? Часа полтора, если, конечно, я побегу, но намного быстрее не получится. Завязывая шнурки на туфлях, я заметил, что мои руки дрожат. У меня засосало под ложечкой.

Я сбежал по ступенькам вниз и помчался в мастерскую за фонариком. Фонарик — хороший товарищ, когда ты в темноте и один. Я схватил фонарик и выбежал из мастерской. Постоял немного у бензоколонки. Луны уже не было, зато надо мной раскинулся великолепный звёздный шатер. Ни ветерка. Ни звука. Справа уходила в темноту пустынная дорога, она вела в лес, полный опасности.

Шесть с половиной миль! Слава богу, дорогу я знаю!

Путь предстоял долгий и трудный. Нужно сохранять хороший ровный ход, иначе к концу первой мили я останусь без сил.

В этот момент мне пришла в голову дикая, но совершенно замечательная идея: «А почему бы не поехать на малютке «остине»? Я был абсолютно уверен, что смогу вести машину. Отец всегда разрешал мне порулить на нашей станции. Заводить машину в мастерскую и потом выводить обратно. А иногда я медленно, на первой скорости, объезжал вокруг заправочной станции. И мне очень нравилось это. К тому же на машине я доберусь гораздо быстрее. И она может послужить «скорой помощью». Если вдруг отец ранен и истекает кровью, каждая минута на счету. Я никогда не водил машину по дороге, но был уверен, что в это время суток других машин на ней не будет. И всё же я решил ехать очень мед-

ленно и как можно ближе прижиматься к живой изгороди.

Я вернулся в мастерскую и включил свет. Распахнул дверь. Сел за руль «остина» и повернул ключ зажигания. Снял машину с ручника. Потом нажал на кнопку запуска. Сначала мотор кашлянул, но вскоре завёлся.

Теперь фары. Я включил габаритные огни. Нащупал ногой педаль газа. Я едва мог дотянуться до неё, так что мне пришлось сползти вниз, чтобы нажать на педаль. Потом дал задний ход и медленно выехал из мастерской.

Я оставил машину заведённой и пошёл, чтобы выключить свет и закрыть мастерскую. Пусть всё выглядит как обычно. Заправочная станция погрузилась в темноту, лишь из фургона исходил слабый свет, где всё ещё горела масляная лампа. Я решил её не гасить.

Я вернулся в машину, захлопнул дверцу. Габаритные огни горели так тускло, что я едва их различал. Включил фары. Так намного лучше. Нащупал переключатель фар с ближнего света на дальний. Попробовал, и он заработал. Включил дальний свет на всю. Не забыть бы переключить на ближний, если навстречу поедет машина. Хотя, честно говоря, фары светили очень слабо и не смогли бы ослепить даже таракана. Света они давали не больше, чем пара ручных фонариков.

Я снова нажал на сцепление и включил первую скорость. Получилось. Моё сердце билось с такой силой, словно готово было вот-вот выпрыгнуть. Главная дорога проходила примерно в десяти ярдах от заправочной станции. Было темно, как перед концом света. Очень медленно левой ногой я отпустил

педаль сцепления, а правой одновременно чуть-чуть нажал на газ. И самое замечательное — малютка пришла в движение. Я ещё слегка надавил на педаль, и мы выехали с заправочной станции на тёмную пустынную дорогу.

Не буду притворяться, что страшно мне не было. Было. Я боялся, очень боялся, просто до смерти. Но чувство страха смешивалось у меня с радостным волнением. Всё самое захватывающее, что случается с нами в жизни, вызывает у нас страх. Иначе бы оно не было таковым. Я сидел на водительском месте очень прямо и напряжённо, крепко ухватившись за баранку обеими руками. Моя голова едва виднелась из-за руля. Я мог бы подложить под себя подушку и тогда сидел бы выше, но было слишком поздно что-то менять.

В темноте дорога казалась ужасно узкой, хотя я знал, что на ней спокойно могут разъехаться две машины. Сотни раз я видел это, находясь на заправочной станции. Но сейчас мне так не казалось. В любое мгновение передо мной мог появиться огромный грузовик с ослепляющими фарами, несущийся со скоростью шестьдесят миль в час, или один из тех автобусов, которые перевозят пассажиров на дальние расстояния. Не слишком ли я забираю на середину дороги? Пожалуй, да. Но из опасения съехать в насыпь я решил не приближаться к обочине. Сломай я переднюю ось — и всё пропало. Как бы я тогда смог помочь своему отцу!

Мотор начал хрипеть и дребезжать. Я всё ещё ехал на первой скорости. Было жизненно необходимо переключиться на вторую, иначе мотор мог перегреться. Теоретически я знал, как это сделать, но ведь никогда раньше я этого не пробовал. Заправочную станцию я всегда объезжал на первой скорости.

Ну, начну.

Я снял ногу с педали газа и до упора выжал сцепление, потом оттянул рычаг коробки передач назад и переключился на вторую скорость. Отпустил сцепление и нажал на педаль газа. Машина рванулась вперёд как ужаленная.

Какая же сейчас скорость? Я посмотрел на спидометр. Цифры едва светились, но я всё-таки разглядел их. Пятнадцать миль в час. Неплохо. Буду ехать на второй скорости. Я начал подсчитывать, за какое время при такой скорости я проеду шесть миль.

При скорости шестьдесят миль в час шесть миль я проеду за шесть минут.

При скорости тридцать миль — вдвое дольше, двенадцать минут.

При скорости пятнадцать миль — опять в два раза больше, двадцать четыре минуты.

Я знал каждый поворот, каждый изгиб и каждый маленький подъём и спуск на дороге. Вдруг из-за живой изгороди выскочила лиса с длинным пушистым хвостом и перебежала дорогу перед самой машиной. Я отчётливо разглядел её в свете фар. Красно-коричневая с белой мордочкой. Захватывающее зрелище. Я снова забеспокоился о моторе. Я хорошо помнил, что, если очень долго ехать на первой или второй скорости, он может перегреться. Я должен переключиться на третью. Набрав в лёгкие побольше воздуха, я повторил всю операцию сначала, только теперь рычаг передвинул на третью скорость. И у меня получилось! Спидометр подскочил до тридцати. Я крепко сжимал руль обеими руками и оставался на середине дороги. При такой скорости я быстро туда доеду.

Лес мистера Хейзла располагался в стороне от главной дороги. Чтобы добраться до него, нужно было свернуть налево, проехать через пролом в живой изгороди и ещё примерно четверть мили по разбитой просёлочной дороге. Если земля сырая — ни

одного шанса проехать по ней. Но в течение недели дождя не было, значит, земля наверняка сухая.

Я сообразил, что скоро должен быть поворот и, боясь его пропустить, внимательно смотрел по сторонам. Ведь там не было ни ворот, никакого дорожного знака. Только пролом в ограде, достаточно широкий, чтобы могли проехать фермерские тракторы.

Неожиданно прямо перед собой на фоне ночного неба я увидел вспышку жёлтого света. Я с ужасом наблюдал за ней. Именно этого-то я всё время и боялся. Свет приближался очень быстро, становился всё ярче и ярче, через несколько минут он обрёл очертания и превратился в длинный белый луч фар стремительно несущегося на меня автомобиля.

Нужный мне поворот наверняка уже совсем близко. «Я должен успеть свернуть до того, как этот монстр подъедет ко мне». Чтобы увеличить скорость, я с силой выжал педаль газа. Мотор взревел. Скорость подскочила до тридцати пяти, затем до сорока. Встречная машина быстро приближалась. Её фары были как два слепящих глаза. Они становились всё больше и больше, и неожиданно вся дорога передо мной осветилась, а машина — ууу! — пулей пронеслась мимо. Да так близко, что я ощутил дуновение ветра сквозь открытое окно. В короткое, доля секунды, мгновение, когда наши машины встретились, я успел заметить белые полосы и понял, что это была полиция.

Я не решался оглянуться, хотя ужасно хотелось посмотреть, не развернулась ли она и не гонится ли за мной. Я был уверен, что полицейская машина остановилась. Какой полицейский проехал бы мимо, увидев за рулём маленького мальчика в маленькой машине, несущейся по пустынной дороге в половине

третьего ночи? Единственным моим желанием на тот момент было поскорее скрыться, раствориться, исчезнуть, хотя одному богу известно, как я мог это сделать. Я ещё сильнее нажал на газ. И вдруг совершенно неожиданно в тусклом свете своих же фар я увидел слева проём в живой изгороди. У меня не было времени сбросить скорость, поэтому, молясь про себя, я просто повернул руль. Малютка резко вильнула, пролетела через пролом, подпрыгнула и остановилась.

Прежде всего я выключил фары. Я знал, что, когда прячешься от кого-то, не стоит освещать то место, где затаился. Некоторое время я тихо сидел в тёмной машине. Живая изгородь была очень густой, и я не мог ничего сквозь неё разглядеть. Подпрыгнув, моя машина съехала с дороги и оказалась на каком-то поле, совсем близко к ограде. Я услышал, как полицейская машина проехала по дороге ярдов пятьдесят и дала задний ход, прежде чем развернуться. Видимо, дорога в том месте была слишком узкой. И теперь она возвращалась. Шум мотора становился всё ближе и ближе. Свет фар скользнул по моему укрытию, и машина умчалась в ночь.

Значит, полицейский не заметил, как я свернул с дороги.

Но он наверняка вернётся, когда никого не догонит. И будет ехать медленно. А следовательно, обнаружит пролом. Выйдет из машины, пройдёт за живую изгородь и посветит мне фонариком прямо в лицо. Скажет: «В чём дело, сынок? Куда это ты собрался? Чья это машина? Где ты живёшь? Где твои родители?» А потом привезёт в полицейский участок. В конце концов из меня вынут всю правду. И мой отец будет уничтожен.

Я сидел тихо, как мышь, и ждал. Долго ждал. Потом услышал звук возвращающейся машины. Она производила ужасный шум и снова проскочила мимо, словно стрела. Но по тому, как шумела, урчала и визжала машина, я понял, что её хозяин, должно быть, очень сердит и озадачен, куда я мог подеваться. Наверное, думает, уж не призрак ли видел? Призрак мальчишки, управляющего призрачной машиной.

Я подождал, не вернётся ли он снова. Но, как ни странно, он не вернулся.

Тогда я включил фары и нажал на стартёр. Машина ожила. Мне казалось, когда я свернул с дороги, в машине что-то сломалось. Очень медленно я стронулся с места и прислушался. Я старался уловить посторонний шум. Но ничего подозрительного. Чудом мне удалось выбраться из травянистых зарослей и снова выехать на дорогу.

Я едва продвигался, потому что просёлочная дорога была ухабистой, а откос крутым. Машина постоянно подпрыгивала, но всё-таки продолжала

ехать. Вдруг впереди вырос лес мистера Хейзла, тёмное гигантское существо, вползающее на вершину холма.

Вскоре я уже был там. Огромные деревья тёмной стеной стояли справа вдоль дороги. Я остановился, выключил зажигание и погасил фары. И после направился в лес, прихватив с собой фонарик.

Самая обыкновенная живая изгородь отделяла лес от дороги. Я пролез сквозь неё и неожиданно оказался в чаще. Я поднял голову: деревья смыкались надо мной, будто тюремная крыша, — ни клочка неба, ни единой звезды, ничего. Темнота вокруг была такой густой, что я буквально мог до неё дотронуться.

— Папа! — крикнул я в темноту. — Папа, где ты?

Мой тоненький голосок эхом разнёсся по всему лесу и затих где-то в чаще. Я прислушался, но ответа не было.

Яма

Даже не могу вам описать, что значит стоять одному в густой, как смола, темноте в безмолвном лесу. Чувство одиночества переполняло меня. Тишина была подобна смерти. Я слышал только те звуки, которые издавал сам. Я прислушивался, задерживал дыхание и снова прислушивался. У меня было странное ощущение, будто сам лес, деревья и кусты, зверюшки и птицы слушают вместе со мной. Даже тишина прислушивалась. Тишина слушала тишину.

Я включил фонарик. Яркая полоска света протянулась передо мной, как длинная белая рука. Я почувствовал себя лучше. По крайней мере, я мог видеть, куда иду.

Конечно, сторожа тоже могли меня видеть. Но мне теперь было всё равно. Единственный человек, за которого я волновался, это мой отец, и я не знал, где он находится. Я хотел найти его.

Продолжая светить фонариком, я глубже вошёл в лес и закричал:

— Папа! Пап! Это Дэнни! Где ты?

Я не знал, в каком направлении иду. Просто шёл и звал отца. Но тщетно. Лес молчал.

Через некоторое время голос мой начал дрожать. Я стал говорить всякие глупости вроде:

— Папа, пожалуйста, скажи, где ты! Пожалуйста, ответь мне!

Я знал: если перестану контролировать себя, то просто сдамся и лягу на землю под деревьями.

— Папа, где ты? Это я, Дэнни!

Я остановился и долго прислушивался. И тут в наступившей тишине (мне показалось или так оно и было) раздался чей-то слабый, очень слабый вздох. Я похолодел и продолжал вслушиваться. Вздох повторился. Я побежал на звук.

— Папа! — закричал я. — Это Дэнни! Где ты?

Я снова остановился и прислушался. На этот раз мне ответили. И довольно громко — мне удалось разобрать слова:

— Я здесь, — отозвался голос. — Здесь.

Это был отец! Я так разволновался, что у меня затряслись колени.

— Ты где, Дэнни?

— Я здесь, папа. Я иду.

И со всех ног побежал на его голос, освещая дорогу фонариком. Здесь деревья стояли не так близко друг к другу. Земля была усыпана прошлогодней листвой, так что бежал я довольно легко. Я больше не звал отца, просто нёсся вперёд.

Вдруг где-то справа от меня раздался его голос:

— Стоп, Дэнни. Остановись! — закричал он.

Я врос в землю, посветил кругом фонариком, но его не увидел.

— Папа, ты где?

— Я здесь, внизу. Иди вперёд, но осторожно, не упави. Смотри под ноги.

Я медленно пошёл на голос и обнаружил яму. Подошёл к краю и, посветив в неё, увидел отца. Он сидел на дне ямы. При виде света фонарика поднял голову и сказал:

— Привет, родной мой. Спасибо, что пришёл.

— Пап, ты в порядке?

— Кажется, я повредил лодыжку, — сказал он. — Я сломал её, когда падал.

Это была яма, вырытая в форме квадрата, каждая из сторон которой равнялась примерно шести футам. Но глубина... Глубина была ужасающей. Футов двадцать, не меньше. Аккуратно срезанные стороны ямы говорили о том, что тут, по-видимому, потрудились экскаватор. Ни один человек не смог бы выбраться оттуда без посторонней помощи.

— Болит? — спросил я.

— Да, сильно болит, но ты об этом не думай. Главное — успеть выбраться отсюда до рассвета. Сторожа знают, что я здесь. Они придут за мной с первым лучом солнца.

— Папа, они вырыли яму, чтобы ловить людей?

— Да, — ответил отец.

Я посветил вокруг и понял, что сторожа прикрыли яму палками и листьями, и всё это обрушилось, когда мой отец наступил на них. Такие ловушки делали охотники в Африке, чтобы ловить диких зверей.

— Папа, а сторожа тебя узнали?

— Нет, — ответил он. — Двое из них подошли и посветили фонариком прямо на меня, но я закрыл лицо руками, и они не узнали меня. Слышал только, как

они высказывали предположения, называли разные имена, но моё имя среди них не прозвучало. Потом один из них закричал: «Ничего, парень, утром мы узнаем, кто ты такой! И попробуй догадаться, кто придёт с нами?» Я молчал. Нельзя, чтобы они услышали мой голос. «Тогда мы скажем тебе, кто придёт. Сам мистер Хейзл захочет поздороваться с тобой». А другой добавил: «Знаешь, мне даже страшно подумать, что он с тобой сделает, когда доберётся до тебя». Они засмеялись и ушли. Ой! Моя бедная нога.

— Они ушли, папа? — переспросил я.

— Да, до утра.

Я встал на колени у самого края ямы. Мне хотелось спуститься и пожалеть его, но это было бы сумасшествием.

— Сколько времени? — спросил отец. — Посвети вниз, я взгляну на часы. — Я выполнил его просьбу. — Без десяти три. Мы должны уйти отсюда до восхода солнца.

— Папа, я на машине. Я приехал сюда на «остине».

— Ты что? — вскричал отец. — Ты приехал на машине?

— Да, хотел побыстрее сюда добраться. Поэтому вывел её из мастерской, сел и поехал.

Он сидел и смотрел на меня. Я отвёл фонарик в сторону, чтобы не светить ему прямо в глаза.

— Ты хочешь сказать, что приехал на малютке «остине»?

— Да.

— Ты с ума сошёл! — закричал отец. — Ты точно сошёл с ума!

— Это оказалось не так-то сложно.

— Но ты же мог разбиться. Если бы что-нибудь задело тебя в этой игрушке, тебя разорвало бы на части.

— Папа, но ведь всё обошлось.

— Где она сейчас?

— Около леса, на просёлочной дороге.

Его лицо было искажено от боли.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Да, — ответил он, дрожа как осиновый лист, хотя ночь и была тёплой.

— Если ты сможешь выбраться из ямы, я помогу тебе дойти до машины. Обопрёшься на меня, и поскокнешь на одной ноге.

— Мне без лестницы не выбраться.

— А как насчет верёвки?

— Верёвка? — воскликнул он. — Гудится. Она лежит под задним сиденьем «остина». Мистер Претчет всегда возит её с собой на случай поломки.

— Подожди, я сбегая за ней.

Я помчался к машине, светя перед собой фонариком. Нашёл, приподнял заднее сиденье. Вместе с крючком и запасным колесом там лежала верёвка. Закинув её на плечо, я побежал обратно.

— Папа, ты где?

— Иди сюда, — отозвался он.

По голосу я очень быстро отыскал его.

— Вот верёвка, я принёс её.

— Хорошо. Теперь привяжи её одним концом к ближайшему дереву.

Светя фонариком, я обмотал конец верёвки вокруг дерева, а другой бросил отцу в яму. Отец ухватился за неё обеими руками и привстал. Опёрся на правую ногу, левую согнув в колене.

— Боже, как больно, — простонал он.

— Пап, думаешь, у тебя получится?

— Придётся постараться. Ты хорошо привязал верёвку?

— Да.

Я лёг на живот и опустил руки в яму, чтобы помочь ему, когда он уже будет в пределах досягаемости. Я непрерывно светил ему фонариком.

— Вся надежда на мои руки, — сказал он.

— У тебя получится, — подбодрил я его.

Я видел, как напряглись костяшки его пальцев, когда он сжал верёвку. Затем он начал подтягиваться, перехватывая руки. Как только я смог до него дотянуться, я схватил его за руку и изо всех сил стал тащить на себя. Когда отец оказался на краю ямы, он, не отпуская верёвки, по-пластунски отполз подальше от края. Потом перевернулся на спину, тяжело и часто дыша.

— Ты это сделал! — воскликнул я.

— Дай перевести дух.

Я ждал, стоя около него на коленях.

— Всё хорошо, — сказал отец. — Осталось всего ничего. Дай мне руку, Дэнни. Теперь дело за тобой.

Я помог ему удержать равновесие, когда он встал на одну ногу.

— С какой стороны тебя поддерживать, пап?

— С правой. Иначе будешь задевать больную ногу.

Я подошёл к нему справа, и он положил мне руки на плечи.

— Не бойся. Можешь сильнее опереться на меня.

— Свети вперёд, чтобы было видно, куда нам идти, — сказал он.

Я так и сделал. Он немного попрыгал на правой ноге.

— Всё в порядке? — спросил я.

— Да. Можем идти.

Мы двинулись в путь. Отец, опираясь на меня обеими руками, делал небольшие прыжки на правой ноге. Я шёл рядом, стараясь подстроиться под него.

— Скажи, когда захочешь передохнуть.

— Сейчас, — ответил он. — Мне нужно сесть.

Мы остановились. Я помог отцу опуститься на землю. Когда его левая нога коснулась земли, он вскрикнул от боли. Я присел рядом на жухлые листья, покрывавшие землю. Лицо его взмокло от пота.

— Ужасно больно, да?

— Только когда делаю прыжок.

Мы просидели несколько минут.

— Давай попробуем ещё раз, — предложил отец.

Я помог ему встать, и мы снова пошли. Я обнял его за талию, а он обхватил меня за плечи правой рукой и крепче прижался ко мне. Идти стало легче. Но, боже, каким тяжёлым оказался отец. При каждом его прыжке у меня подгибались колени.

Прыг...

Прыг...

Прыг...

— Давай, давай, — выдохнул отец. — Мы справимся.

— Уже виднеется изгородь, — сказал я, светя фонариком. — Мы почти дошли.

Прыг...

Прыг...

Прыг...

Когда мы уже были у живой изгороди, мои ноги подогнулись, и мы оба упали.

— Прости, — сказал я.

— Ничего. Поможешь мне перебраться сквозь ограду?

Я плохо помню, как мы её преодолели. Кое-где он полз, кое-где я его тянул, но так или иначе мы перебрались через живую изгородь и оказались на другой стороне, у просёлочной дороги. В нескольких метрах от нас стояла машина.

Мы сели на поросший травой откос у изгороди, чтобы перевести дух. Стрелка отцовских часов подошла к четырём. Солнце взойдёт часа через два, не раньше, так что у нас ещё уйма времени.

— Я поведу?

— Придётся. У меня только одна нога.

Я помог отцу доковылять до машины, и после нескольких попыток ему удалось забраться в неё.

Его левая нога всё время попадала под правую, и это причиняло ему мучительную боль. Но в конце концов наши старания увенчались успехом. Уже за рулём я вспомнил про верёвку.

— Верёвка... Мы оставили её там, — сказал я.

— Забудь, это не важно.

Я завёл машину и включил дальний свет. И дал задний ход, а потом развернулся и выехал на ухабистый просёлочный тракт.

— Езжай помедленнее, Дэнни, — попросил отец. — Каждый толчок — сплошная мука.

Он положил одну руку на руль, помогая мне вести машину.

— Ты прекрасно справляешься, — сказал отец. — Продолжай в том же духе.

Наконец мы выехали на главную дорогу. Я переключился на вторую скорость.

— Прибавь газу и перейди на третью, — подсказал мне отец. — Тебе помочь?

— Думаю, справлюсь сам, — ответил я.

Я переключил скорость. У меня сразу исчез страх, ведь рядом со мной в машине сидел отец. Я не боялся врезаться в ограду, я вообще ничего не боялся, поэтому сильно надавил на педаль газа. Стрелка спидометра поползла и остановилась на сорока.

Что-то большое с горящими фарами неслось нам навстречу.

— Я возьму руль, — сказал отец. — Опустите руки.

Он подвёл машину поближе к обочине, и большой грузовик с молочной цистерной пронёсся мимо. Это была единственная машина, встретившаяся нам на пути.

Когда мы подъезжали к заправочной станции, отец сказал:

— Мне придётся поехать в больницу. Необходимо наложить гипс.

— Папа, а ты долго там пробудешь?

— Не волнуйся, к вечеру обязательно вернусь.

— А ты сможешь ходить?

— Конечно. Мне вставят в гипс такую металлическую штуку, чтобы я мог передвигаться.

— Мы поедем в больницу прямо сейчас?

— Нет, — сказал отец. — Некоторое время я полежу на полу в мастерской и подожду, пока можно будет позвонить доктору Спенсеру. Он всё устроит.

— Давай позвоним прямо сейчас.

— Нет, ни к чему будить докторов в половине пятого утра. Дождёмся семи.

— Пап, а что ты скажешь ему, ну о том, что произошло? Как всё случилось.

— Скажу ему всю правду. Он ведь мой друг.

Мы подъехали к заправочной станции, и я припарковался возле мастерской. Я помог отцу выйти из машины, обхватил его за талию и довёл до дверей.

Оказавшись внутри, отец опёрся о верстак с инструментами и сказал, что мне нужно сделать.

Перво-наперво я разложил на промасленном полу мастерской газеты, затем сбегал в фургон и принёс оттуда подушку и пару одеял. Одно растелил на полу поверх газет и помог отцу улечься. Подушку положил ему под голову, а другим одеялом укрыв.

— Поставь телефон рядом со мной, чтобы я мог дотянуться до него, — попросил меня отец.

Я так и сделал.

— Тебе что-нибудь приесть? Может, хочешь чего-нибудь горяченького?

— Нет, Дэнни, спасибо. Мне должны будут сделать анестезию, а перед ней нельзя ни есть, ни пить. Но тебе поесть необходимо. Приготовь себе завтрак. А потом ложись спать.

— Я хочу быть с тобой, когда придёт доктор.

— Ты до смерти устал, Дэнни.

— Ничего подобного, — возразил я.

Я нашёл старое деревянное кресло, подвинул его поближе к отцу и сел.

Отец закрыл глаза и, казалось, задремал. Мои глаза тоже начали закрываться.

— Извини за все хлопоты, что я тебе причинил, — услышал я голос отца.

После этого я, должно быть, уснул, потому что когда я открыл глаза, то увидел доктора Спенсера, склонившегося над отцом.

Доктор Спенсер

Как-то отец сказал мне, что доктор Спенсер лечит людей в нашем округе вот уже почти сорок лет. Он мог бы давным-давно уйти на пенсию, потому что ему уже семьдесят, но он не захотел. Да и пациенты его этого не хотели. Он был маленького роста, с маленькими руками и ногами, маленьким круглым лицом, тёмным и сморщенным, как печёное яблоко. «Ну, просто эльф», — думал я всякий раз, встречая его. Древний эльф с белыми волосами и очками в стальной оправе, подвижный маленький эльф с умными глазами и быстро вспыхивающей улыбкой. Никто его не боялся. Многие его любили, но особенно нежен он был с детьми.

— Какая лодыжка? — спросил он.

— Левая, — ответил отец.

Доктор Спенсер нагнулся и достал из сумки большие ножницы. Потом, к моему изумлению, до самого колена разрезал штанину на левой ноге отца. После этого раздвинул материю и осмотрел лодыжку, не дотрагиваясь до неё. Я тоже посмотрел. Ступня была изогнута, а щиколотка сильно распухла.

— Дело нештучное, — заключил доктор Спенсер. — Нужно везти тебя в больницу. Прямо сейчас. Могу я от вас позвонить?

Он связался с больницей и попросил прислать карету «скорой помощи». Потом договорился с кем-то насчёт рентгена и операции.

— Сильно болит? — спросил доктор. — Хочешь, дам обезболивающее?

— Нет. Потерплю до больницы.

— Как это случилось? Ты что, упал со ступенек своего дурацкого фургона?

— Не совсем, — ответил отец. — Не совсем.

А доктор молчал и ждал продолжения.

— По правде говоря, — признался отец, — я бродил по лесу мистера Хейзла... — Он сделал паузу, наблюдая за реакцией доктора, всё ещё стоящего возле него на коленях.

— А... понятно, — протянул доктор. — Ну и как там сейчас, много фазанов?

— Тучи.

— Здорово, — сказал доктор, вздыхая. — Да, жаль, что я уже старый. Хорошо бы на них поохотиться.

Он поднял голову и заметил мои округлившиеся глаза.

— А разве ты не знал, Дэнни, что я и сам немного браконьерничал?

— Нет. — Я был совершенно растерян.

— Вечером, — начал доктор, — покончив с медициной, я незаметно выскальзывал через чёрный ход и устремлялся в поля, к одному из моих тайных местечек. Иногда это были фазаны, иногда форель. В те дни в ручьях водилось много форели...

Он всё ещё ползал на коленях возле отца.

— Постарайся не двигаться, — сказал он ему. — Лежи спокойно.

Отец закрыл свои измученные глаза, потом снова открыл и спросил:

— Каким способом вы ловили фазанов?

— На джин и изюм, — ответил доктор Спенсер. — Я размачивал изюм в джине в течение недели и потом разбрасывал его в лесу.

— На них это не действует.

— Знаю. Зато сколько удовольствия.

— Только один фазан должен проглотить самое малое штук шестнадцать таких изюмин, чтобы захмелеть и уже тогда его можно поймать. Мой отец доказал это на курах.

— Верю тебе, — сказал доктор. — Поэтому я ни одного и не поймал. Зато я мастер по ловле форели. Дэнни, ты знаешь, как без удочки поймать форель?

— Нет, — ответил я. — А как?

— Нужно её защекотать.

— *Защекотать?*

— Да. Видишь ли, форель любит мелководье. Нужно ползти по берегу до тех пор, пока ты не увидишь особенно крупный экземпляр... потом ты к нему подползаешь... ложишься на живот... медленно, очень медленно опускаешь в воду руку... подводишь её под брюшко... и кончиком одного пальца начинаешь поглаживать ей брюшко...

— А она позволит такое с ней проделывать?

— Она это обожает. Обожает так, что начинает дремать от удовольствия. И как только она задремлет, быстро хватай её, вытаскивай из воды и бросай на берег.

— Вот это правильно, — сказал мой отец. — На такое способны только мастера. Снимаю перед вами шляпу, сэр.

— Спасибо, Уильям, — торжественно произнёс доктор Спенсер. Он встал с колен и направился к двери мастерской посмотреть, не приехала ли «скорая помощь». — Кстати, — бросил он через плечо, — что всё-таки случилось в лесу? Ты угодил в кроличью нору?

— Та яма была куда больше кроличьей.

— Что ты хочешь этим сказать?

Отец начал рассказывать, как он упал в огромную яму.

Доктор Спенсер кружил вокруг отца, не отрывая от него взгляда.

— Просто не верится! — воскликнул он.

— Сущая правда. Спросите Дэнни.

— Яма была глубокая, — подтвердил я. — Очень.

— Боже правый! — закричал маленький доктор, подпрыгивая от ярости. — Это невозможно! Как только Виктору Хейзлу пришло в голову сооружать тигриные ловушки для людей? В жизни не слышал о такой мерзкой штуке. Впрочем, это в его стиле.

— Гадость, — согласился с ним отец.

— Хуже, чем гадость, Уильям. Знаешь, что это означает? Что приличные люди вроде нас с тобой не смогут пройтись вечерком по лесу, не рискуя сломать себе ногу или руку. А то и шею!

Отец кивнул.

— Мне никогда не нравился этот Виктор Хейзл, — продолжал доктор Спенсер. — Однажды я наблюдал отвратительную сцену.

— Какую? — поинтересовался отец.

— Он должен был прийти ко мне на приём. Ему требовался какой-то укол, уже и не помню какой. Совершенно случайно я выглянул в окно, когда он подъехал на своём кошмарном «роллс-ройсе». Я видел, как он вышел, и видел мою старую собаку Берти — она дремала на ступеньках. И что, вы думаете, сделал этот ужасный человек? Вместо того чтобы переступить через Берти, он со всей силы пнул её своим сапогом для верховой езды.

— Не может быть! — воскликнул отец.

— К сожалению, что было, то было. Именно так он и сделал.

— А что же вы?

— Я держал его в приёмной до тех пор, пока не нашёл самую старую тупую иглу. Затем пилочкой для ногтей затупил её ещё больше и лишь потом пригласил в кабинет. Попросил приспустить штаны

и наклониться. Когда я всадил ему эту иглу, он завизжал как поросёнок.

— Здорово! — одобрил отец.

— С тех пор он ко мне не заявляется, чему я очень рад, — закончил доктор Спенсер. — О, а вот и «скорая»!

«Скорая помощь» подъехала совсем близко к дверям мастерской, из неё вышли двое мужчин в униформе.

— Принесите-ка мне шину, прибинтуйте её к сломанной ноге, — попросил их доктор.

Один из санитаров вернулся к машине и принёс что-то похожее на тонкую деревянную дощечку. Доктор Спенсер снова опустился на колени и очень осторожно подложил дощечку под больную ногу. Затем крепко прибинтовал её к ней. Санитары вынесли из машины носилки и опустили их на землю. Мой отец сам дошёл до них.

Я всё ещё сидел в кресле. Доктор Спенсер подошёл и положил руку мне на плечо.

— Думаю, молодой человек, — сказал он, — вам лучше пойти со мной. Поживёте у нас, пока отец не вернётся из больницы.

— Разве он сегодня не вернётся? — спросил я.

— Вернись, — отозвался отец. — Вернись сегодня вечером.

— Лучше бы тебе полежать денёк, — посоветовал доктор Спенсер.

— Нет, я буду дома уже сегодня, — стоял на своём отец. — Спасибо, что предложили взять к себе Дэнни, но в этом нет необходимости. С ним будет всё в порядке. Как я могу предположить, большую часть дня он проспит, не так ли, мой дорогой?

— Думаю, что так, — согласился я.

— Просто закрой заправочную станцию и иди спать, хорошо?

— Хорошо, но ты поскорее возвращайся, папа.

Санитары подняли носилки с отцом, погрузили их в «скорую помощь» и закрыли двери. Вместе с доктором Спенсером я стоял у мастерской и смотрел, как отъезжает длинная белая машина.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил он меня на прощание.

— Спасибо, мне ничего не нужно.

— Тогда отправляйся в постель и хорошенько выспись.

— Я так и сделаю.

— Если что-нибудь понадобится, позвони.

— Ладно.

Чудесный маленький доктор сел в свою машину и поехал в том же направлении, что и «скорая помощь».

Большой охотничий сбор

Когда доктор уехал, я пошёл в офис и взял табличку: «Извините. Закрыто». Повесил её на одну из бензоколонок и направился в фургон. У меня не хватило сил даже раздеться или хотя бы снять грязные туфли. Я просто упал на кровать и уснул. Было пять минут девятого.

Десять часов спустя, в шесть тридцать вечера, меня разбудила «скорая помощь», которая привезла из больницы моего отца. Санитары внесли его в фургон и положили на нижнюю койку.

— Привет, папа, — сказал я.

— Привет, Дэнни.

— Как ты себя чувствуешь?

— Немного устал, — ответил он и сразу же заснул.

Когда уехала «скорая помощь», приехал доктор Спенсер — взглянуть на своего пациента.

— Он проспид до завтрашнего утра, — предупредил он меня. — Когда проснётся, будет как огурчик.

Я проводил доктора до машины.

— Ужасно рад, что он дома, — сказала я.

Доктор открыл дверцу машины, но не стал в неё садиться. Он строго посмотрел на меня и спросил:

— Когда ты последний раз ел, Дэнни?

— Ел?.. — переспросил я. — Ну.. когда я ел? — Я вдруг осознал, что это было почти сутки назад, когда мы с отцом ужинали, прошлым вечером.

Доктор Спенсер достал из машины огромный куль, завернутый в промасленную бумагу.

— Моя жена просила передать тебе. Думаю, это придётся тебе по вкусу. Ты же знаешь, она потрясающая стряпуха.

Он сунул мне в руки пакет, сел в машину и быстро уехал.

Я стоял, крепко сжимая в руках большой пакет, и смотрел, как докторская машина едет по дороге, потом она исчезла за поворотом, а я всё ещё стоял, глядя на пустынную дорогу. Я повернулся и с пакетом в руках зашагал к фургону. Положил пакет на стол, но так и не развернул его.

Отец крепко спал. На нём была больничная пижама в коричнево-голубую полоску. Я осторожно приподнял одеяло, чтобы посмотреть, что с ним сделали. Твёрдый белый гипс покрывал чуть не всю ногу. К ступне была прилеплена маленькая железная штучка, по-видимому, для того, чтобы он мог ходить. Я снова прикрыл его одеялом и вернулся к столу.

Не торопясь, очень осторожно я стал разворачивать промасленную бумагу, и, когда я её развернул, перед моими глазами предстал самый большой, самый красивый пирог на свете. Весь, совершенно весь — сверху, с боков, снизу, — покрытый золотой корочкой.

Я взял нож, лежащий за раковиной, и отрезал кусок. И стоя начал есть. Это был мясной пирог.

Мясо было розовое, нежное, без жира и хрящей, и с кусочками крутого яйца, запрятанными в пироге, словно сокровища.

Вкус просто фантастический. Справившись с первым куском, я отрезал второй и тоже съел. Да благословит Бог доктора Спенсера, подумал я. Да благословит он и миссис Спенсер тоже.

На следующее утро, во вторник, отец проснулся в шесть часов.

— Отлично себя чувствую, — сказал он и стал расхаживать взад-вперёд по фургону, опробуя ногу.

— Почти совсем не болит! — вскричал он. — Смогу даже дойти до школы.

— Нет-нет, — возразил я. — Это же две мили туда и две обратно. Пожалуйста, папа, не делай этого.

— Но я никогда не отпускал тебя одного, Дэнни.

Итак, в этот день в школу я пошёл один. Но на следующий мне не удалось его отговорить. Отец натянул шерстяной носок на свою загипсованную ступню, чтобы не мёрзли пальцы. Снизу в носке была дыра, так что эта металлическая штука проходила сквозь носок. Он немного прихрамывал, но шёл, как всегда, быстро, а эта штуковина, прикреплённая к его ступне, цокала по асфальту.

Итак, жизнь постепенно входила в своё нормальное русло или почти нормальное. Я говорю «почти», потому что не всё было, как раньше.

Изменился отец. Не очень сильно, но вполне достаточно, чтобы я заметил перемену. Его что-то беспокоило. Он стал задумчивым, и во время ужина над столом нередко висела гнетущая тишина. Я часто видел, как он стоит перед заправочной станцией, уставясь на дорогу, ведущую к лесу Виктора Хейзла.

Много раз мне хотелось спросить, что его тревожит, и, сделай я это, уверен, он бы сразу мне всё рассказал. Но я знал, что рано или поздно я всё равно услышу об этом.

Ждать пришлось недолго.

Примерно через десять дней после возвращения отца из больницы мы сидели на узком крыльце у фургона, глядя, как солнце садится за большие деревья на вершине холма.

Мы поужинали, но спать мне было ещё рано. Стоял тёплый сентябрьский вечер, прекрасный и тихий.

— Знаешь, что сводит меня с ума? — неожиданно спросил отец. — Я встаю по утрам и чувствую себя вполне хорошо. Но каждый день около девяти часов этот огромный серебристый «роллс-ройс» со свистом проносится мимо нашей заправочной станции, и я вижу большое жирное лицо Виктора Хейзла, сидящего за рулём. Я постоянно его вижу. Тут уж ничего не поделаешь. И каждый раз он поворачивает голову в мою сторону и смотрит на меня. Но как он смотрит! Это-то и приводит меня в ярость. С ухмылкой под носом, с гнусной улыбочкой на губах, и, хотя я вижу его не больше трёх секунд, это сводит меня с ума больше, чем макрель. И что хуже всего, я остаюсь таким до конца дня.

— Я не виню тебя за это, — сказал я.

Воцарилось молчание. Я ждал, что будет дальше.

— Скажу тебе кое-что интересное, — проговорил наконец отец. — В субботу открывается охотничий сезон на фазанов. Тебе об этом известно?

— Нет, папа, неизвестно.

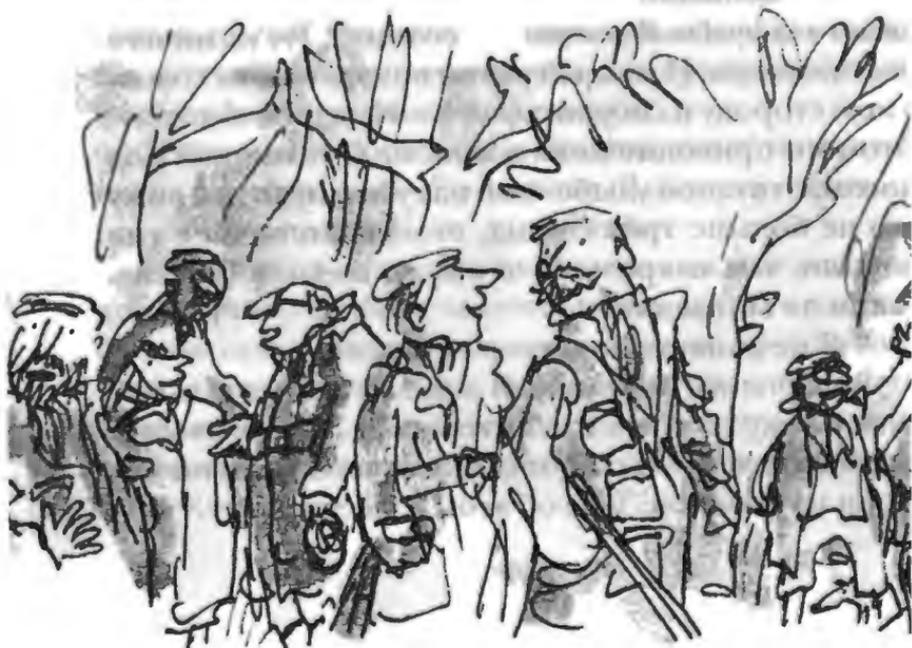
— Он всегда открывается первого октября. И каждый год мистер Хейзл устраивает по этому случаю грандиозный охотничий сбор.

Меня удивило, какое отношение имеет к моему отцу макрель, но, можно не сомневаться, какая-то связь определённо была.

— Эта охотничья вечеринка мистера Хейзла — очень важное событие, Дэнни.

— Съезжается много людей?

— Сотни. Из разных мест. Графы и лорды, бароны и баронеты, влиятельные бизнесмены и знатные люди со всей округи. Они приезжают со своими ружьями, собаками, жёнами, и весь день ружейные выстрелы разносятся по долине. Но приезжают они не потому, что им нравится мистер Хейзл. В душе они все его и презирают, и думают, что это самое неудачное земное создание.

— Тогда зачем же они приезжают?

— Потому что здесь лучшая охота на фазанов во всей Южной Англии, а для мистера Хейзла это величайший день в году, и он готов сколько угодно платить, лишь бы этот день прошёл успешно. На фазанах он спускает целое состояние. Каждое лето он закупает отборных птенцов на фазаньих фермах и выпускает их в леса, где сторожа кормят их, караулят и следят, чтобы птицы не похудели к великому дню.

Только представь, Дэнни, выращивание и содержание одного-единственного фазана, до того как он будет готов к отстрелу, стоит столько же, сколько сто буханок хлеба!

— Не может быть!

— Клянусь, — сказал отец. — Но в этот день для мистера Хейзла окупаются все траты, все до последнего пенни. И знаешь почему? Потому, что в этот день он чувствует себя очень важной персоной. Раз

в году он становится крупной рыбой в маленьком пруду, ведь граф такой-то и такой-то хлопает его по спине и пытается вспомнить, как его зовут, когда прощается с ним.

Отец поскрёб твёрдую гипсовую повязку под левым коленом.

— Чешется, — пожаловался он. — Прямо свербит под этой повязкой. Вот я и чешу гипс — притворяюсь, что чешу ногу.

— И это помогает?

— Нет, — признался отец. — Не помогает. Однако послушай, Дэнни...

— Да, папа, — насторожился я.

— Хочу тебе кое-что сказать. — Он снова стал скрести гипс на левой ноге. Я терпеливо ждал. — Так вот, я решил сказать тебе, что мне больше всего хотелось бы сделать.

«Начинается, — подумал я. — Что-то сумасшедшее и грандиозное». О том, что это сумасшедшее и грандиозное, можно было догадаться по его лицу.

— Но это страшный секрет, Дэнни. — Отец помолчал и настороженно огляделся вокруг. И хотя в пределах двух миль вокруг нас в этот момент не было, вероятно, ни одной живой души, он низко наклонился ко мне и понизил голос до шёпота: — Мне хотелось бы найти такой способ, которым я мог бы поймать всех фазанов в лесу мистера Хейзла, чтобы ко дню Большой охоты, первого октября, в нём не осталось ни одного фазана.

— Нет, папа, нет! — закричал я.

— Ш-ш-ш! Слушай дальше. Если бы я нашёл способ поймать сразу пару сотен фазанов, охота мистера Хейзла стала бы величайшим провалом в истории.

— Пару сотен? — опять не выдержал я. — *Это не возможно.*

— Только представь, Дэнни, — продолжал отец, — какая бы это была славная победа, какой триумф! Все эти герцоги и лорды, все знаменитости приедут на своих шикарных машинах... мистер Хейзл будет расхаживать среди них, распустив хвост, как павлин, и говорить: «В этом году к вашим услугам множество фазанов, лорд Тистлтвейт», «Ах, дорогой сэръ Годфри, весьма удачный сезон для фазанов, просто великолепный»... И потом они пойдут в лес со своими ружьями... займут выгодные позиции... Затем целая армия специально нанятых людей начнёт кричать, вопить, ворошить молодую поросль, чтобы выгнать фазанов навстречу поджидающим их ружьям... и полюбуйтесь... нигде ни одного фазана! Мистер Хейзл станет краснее варёной свёклы. Разве это будет не самое замечательное, не самое чудесное дельце, если нам всё удастся? А, Дэнни?

— Да, — согласился я.

— Но как, как это можно сделать? — вскричал отец.

— Да, никак. В этих лесах и двух-то фазанов трудно поймать, а что уж говорить о двух сотнях.

— Знаю. Задачу усложняют сторожа.

— А сколько их там? — спросил я.

— Трое, и они всегда на посту.

— Даже ночью?

— Нет. Ночью, как только фазаны устроятся на ночлег, они уходят домой. Потому, что ещё никто не изобрёл способа для ловли спящего фазана. Даже мой отец, величайший эксперт в мире. Ну да ладно, тебе пора в постель. Готовься ко сну, я расскажу тебе какую-нибудь историю.

«Спящая красавица»

Спустя пять минут я уже лежал в пижаме на своей койке. Вошёл отец и зажёл лампу, висящую под потолком. Теперь темнело намного раньше.

— Хорошо, какую историю ты хочешь услышать сегодня?

— Папа, подожди минутку.

— Что такое?

— Могу я спросить тебя кое о чём? У меня появилась идея.

— Слушаю тебя.

— Помнишь те таблетки для сна, которые дал тебе доктор Спенсер, когда ты вернулся из больницы?

— Я никогда их не принимал. Не люблю такие вещи.

— На фазанов они подействуют, как ты думаешь?

Отец печально покачал головой.

— Не торопись, папа, подумай, — сказал я.

— Дэнни, это бессмысленно. Ни один фазан в мире не станет глотать эти жуткие красные капсулы. Я уверен, ты это и сам понимаешь.

— Папа, ты забываешь об изюме.

— Изюм? А при чём тут изюм?

— Послушай, — сказал я, — пожалуйста, послушай. Берём изюм. Размачиваем его. Делаем маленький надрез бритвой. Затем открываем одну из твоих красных капсул и высыпаем порошок в изюм. Потом берём иголку с ниткой и очень осторожно зашиваем разрез... — Краешком глаза я заметил, как брови

у отца поползли вверх. — И вот мы имеем чистый, привлекательный на вид изюм, полный снотворного порошка. И этого порошка вполне хватит, чтобы усыпить любого фазана. Как ты считаешь?

Отец смотрел на меня с таким изумлением, словно видел перед собой привидение.

— О дорогой мой мальчик! — воскликнул он наконец. — О святая пятница! Я уверен, это то, что надо. Уверен!

Неожиданно он пришёл в такое возбуждение, что некоторое время не мог произнести ни слова. Просто сидел на краешке моей постели и медленно кивал головой.

— Ты правда думаешь, что у нас получится? — спросил я.

— Даже не сомневаюсь. Обязательно получится. Мы сможем подготовить так двести штук изюма, а потом единственное, что нам остаётся сделать, — это разбросать его на рассвете в тех местах, где кормят фазанов, и уйти. А через полтора часа, когда стемнеет и сторожа разойдутся по домам, мы вернёмся в лес.... фазаны к этому времени будут на деревьях... таблетки начнут действовать... фазаны захмелеют... закачаются, попытаются сохранить равновесие... и скоро даже те, кто проглотил одну единственную изюмину, станут падать на землю. Да они посыпятся с деревьев, как яблоки! Нам останется только ходить вокруг и собирать их!

— Папа, а можно я пойду с тобой?

— И они никогда нас не поймают, — продолжил отец, не слыша меня. — Мы будем просто ходить по лесу и ронять по несколько изюминок то здесь, то там. И даже если сторожа нас увидят, то ничего не заподозрят.

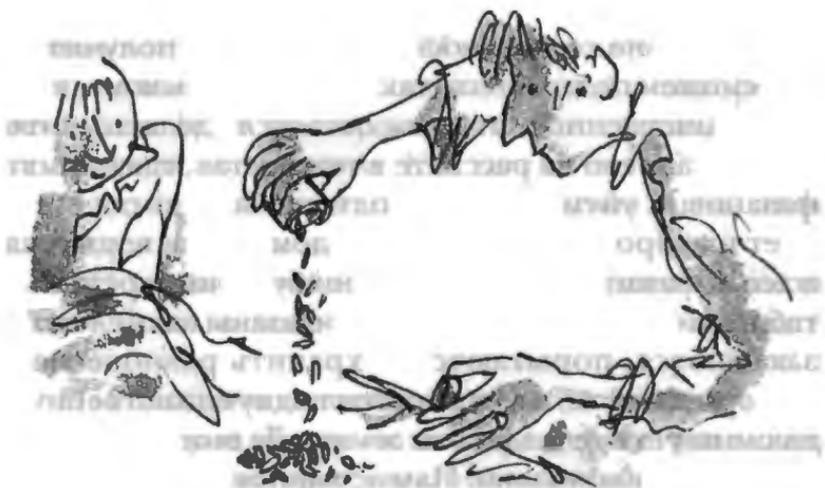
— Папа, — повторил я громче, — ты возьмёшь меня с собой?

— Дэнни, мальчик мой, — сказал отец, положив руку мне на колено и глядя на меня большими и яркими, как звёзды, глазами: — Если всё получится, это станет настоящей революцией в браконьерстве.

— Да, да, папа. Так можно я пойду с тобой?

— Со мной? — переспросил отец, выныривая наконец из своих мечтаний. — Конечно, дорогой мой, конечно, ты можешь пойти со мной. Это же твоя идея! Ты должен быть там и видеть, как всё произойдёт. Ну и где же эти таблетки? — вскричал он, вскакивая с кровати.

Небольшой пузырёк с красными капсулами стоял возле раковины. Он стоял там с тех пор, как отец

вернулся из больницы. Он принёс его, открыл и высыпал содержимое на моё одеяло.

— Давай их пересчитаем, — предложил он.

Мы вместе пересчитали капсулы. Их было ровно пятьдесят штук.

— Этого недостаточно, — сказал отец. — Нам нужно по крайней мере сто. — Он задумался, а потом вскричал: — Минутку! Придумал. — Он начал осторожно собирать капсулы в пузырёк, а собрав, пояснил: — Мы разделим порошок из одной капсулы на четыре изюминки. Другими словами, на каждую изюмину четверть дозы. Так мы сможем накормить двести фазанов.

— А хватит ли четверти дозы для того, чтобы они уснули? — засомневался я.

— Конечно, мальчик мой. Подумай сам, во сколько раз фазан меньше человека?

— Во много, много раз.

— Ну так вот. Если одной таблетки достаточно, чтобы усыпить взрослого человека, фазану потребуется гораздо меньше.

— Но, папа, ты не сможешь поймать двести фазанов на двести изюмин.

— Почему?

— Потому что самые жадные птицы могут заглотить по десять штук.

— Ты прав, — согласился отец. — В определённой степени ты прав. Но мне почему-то кажется, что этого не произойдёт. Если я буду очень внимателен и разбросаю изюмины на приличном расстоянии друг от друга. Не беспокойся об этом, Дэнни. Я уверен, что у меня получится.

— И ты обещаешь взять меня с собой?

— Обещаю. Мы назовём этот способ «Спящей красавицей». Это станет поворотным пунктом в истории браконьерства.

Я тихо сидел на кровати и смотрел, как отец складывает капсулы в пузырёк. Мне как-то не верилось в происходящее, не верилось, что мы в самом деле собираемся это проделать, что нам вдвоём удастся усыпить целую стаю призовых фазанов мистера Виктора Хейзла. При одной мысли об этом мурашки побежали у меня по телу.

— Захватывающе, не правда ли? — спросил отец.

— Я даже думать об этом боюсь, папа. Меня в дрожь бросает.

— Меня тоже. Но теперь мы должны сохранять полное спокойствие. Нам необходимо очень тщательно разработать наши планы. Сегодня среда. Сбор охотников назначен на следующую субботу.

— Боже! Остаётся три дня. Когда же мы с тобой пойдём в лес и примемся за дело? — с жаром спросил я.

— За день до охоты. В пятницу, — ответил отец. — Тогда об исчезновении фазанов они узнают, только когда охота начнётся.

— Но пятница уже послезавтра! Папа, нам нужно поторопиться, если мы собираемся изготовить к этому времени двести изюминок.

Отец поднялся и стал рассказывать по фургону.

— Итак, план действия. Слушай внимательно, — начал он. — Завтра четверг. Я отведу тебя в школу, зайду в магазин Купера в деревне и куплю два пакета изюма без косточек. Вечером этот изюм мы замочим на целую ночь.

— Но тогда у нас останется только пятница, чтобы подготовить двести штук изюма, — сказал я. — Ведь каждую изюминку нужно надрезать, засыпать в неё порошок и зашить. А я целый день буду в школе.

— Нет, не будешь. В пятницу ты простудишься, и мне придётся оставить тебя дома.

— Ура! — закричал я.

— Мы не будем открывать в пятницу заправочную станцию, — продолжал он. — Вместо этого мы запрямся здесь и приготовим изюм. Мы легко управимся за один день. И тем же вечером выйдем на дорогу и отправимся в лес делать своё дело. Всё ясно?

Отец был похож на генерала, излагающего план битвы своим подчинённым.

— Всё ясно, — подтвердил я.

— И ещё, Дэнни: в школе никому ни слова.

— Папа, ты же знаешь!

Он поцеловал меня перед сном и прикрутил фитилёк лампы, но прошло немало времени, прежде чем я заснул.

Четверг и школа

На следующий день был четверг. В это утро, перед тем как отправиться в школу, я сбегал за фургоном и подобрал с земли два яблока с нашего дерева — одно для себя, другое для отца.

До чего же это здорово — идти и жевать яблоко со своего дерева. Конечно, это можно делать только осенью, когда фрукты созревают, но, что ни говори, не многим семьям так везёт. Может, одной на тысячу. Наши яблоки назывались «Кокс оранж пипин», и мне нравилось их название, почти так же, как и их вкус.

В восемь часов под лучами неяркого осеннего солнца мы шли в школу и хрустели яблоками.

Клинк... звенела папина железная ступня, опускаясь на твёрдую почву. Клинк... клинк... клинк...

— Ты взял денег, чтобы купить изюм? — спросил я отца.

Он опустил руку в карман и побренчал монетами.

— А Купер открыт в такую рань?

— Да, — сказал он. — Они открываются в восемь тридцать.

Мне очень нравились эти утренние прогулки в школу с отцом. Всю дорогу мы разговаривали. Правда, в основном говорил отец, а я просто слушал, но всё, что он говорил, было завораживающе интересным. Поля и леса, ручьи и реки и все существа, их населяющие, были частью его жизни. Он был механик по профессии, и механик первоклассный,

но я уверен, из него мог бы выйти прекрасный натуралист, получи он хорошее образование.

Давным-давно я узнал от него названия деревьев, полевых цветов и различных трав, что растут в полях. И всех птиц также. Я узнавал их не только по их виду, но и по их голосам и песням.

Весной мы искали птичьи гнёзда, и, когда находили, отец поднимал меня на плечи, чтобы я мог заглянуть в них и рассмотреть яйца. Но дотрагиваться до них мне никогда не позволялось.

Отец говорил, что гнездо с яйцами — одно из самых больших чудес на свете. Я думал так же, как он. Гнездо певчего дрозда, например, было выложено изнутри сухой глиной и отполировано как дерево, в нём лежало пять светло-голубых яиц с чёрными пятнышками. Гнездо жаворонка мы нашли однажды посреди поля, прямо в траве. Даже не гнездо, а неглубокая ямка с шестью маленькими коричнево-белыми яйцами.

— Почему жаворонки вьют гнёзда прямо на земле? Разве они не боятся, что их затопчет корова?

— Никто этого не знает. Но так они делают всегда. Вот соловьи тоже гнездятся на земле. Так же, как фазаны, куропатки и рябчики.

В одну из наших прогулок из живой изгороди выскочила ласка, и я тут же узнал много интересного об этом маленьком создании.

— Ласка — самая храбрая из всех животных. Мать до конца защищает своих детёнышей. Она никогда не убегает, даже от лисы, которая в несколько раз крупнее её. Она охраняет своё потомство из последних сил, пока лиса не убьёт её.

В другой раз я сказал:

— Послушай, папа, как трещит кузнечик.

— Это не кузнечик, мой дорогой, а сверчок. А ты знаешь, что они слушают ногами?

— Правда?

— Сушая правда. И у кузнечиков ушки находятся по краям живота. Им ещё повезло, потому что мириады насекомых на земле не только глухие, но и немые и живут в мире тишины.

В этот четверг по дороге в школу в ручье за живой изгородью заквакала лягушка.

— Дэнни, ты слышишь?

— Да.

— Это квакша зовёт свою жену. Раздувает подгрудок и издаёт такой вот звук.

— Что такое подгрудок?

— Свисающая кожа на горле. Квакша может надувать её, как шарик.

— А что происходит, когда жена его слышит?

— Она скачет к нему. Она счастлива, что её пригласили. Я расскажу тебе кое-что смешное об этих

лягушках. Зачастую им так нравится собственный голос, что жёнам приходится несколько раз толкнуть своих мужей, чтобы те прекратили квакать и открыли им наконец свои объятия.

Я засмеялся.

— Не смейся слишком громко, — сказал отец, подмигивая мне. — Мы, мужчины, мало чем отличаемся от них.

У школьных ворот мы расстались, и отец пошёл покупать изюм. Дети втекали в школьные ворота и направлялись по дорожке к главному входу. Я присоединился к ним, но шёл молча, ни с кем не разговаривая. Ведь я хранитель великой тайны, а одно неосторожное слово может испортить величайшую в мире экспедицию за фазанами.

Наша маленькая деревенская школа располагалась в одноэтажном доме. Над входной дверью в каменную кладку была вмурована плита с надписью: «Эта школа была построена в 1902 году в честь коронации Его Величества короля Эдуарда VII».

Я читал эту надпись, наверное, тысячу раз. Она так и лезет в глаза, когдаходишь к школе. Думаю, для того её туда и повесили. Но до чего же скучно каждый день читать одно и то же, и я частенько думал, как было бы здорово, если бы на этом месте каждый день появлялась новая надпись, по-настоящему интересная. Мой отец мог бы придумать что-нибудь замечательное. Каждое утро он мог бы писать мелом на гладкой серой плите что-нибудь вроде: «Вы знаете, что маленькая жёлтая клеверная бабочка катает свою жену у себя на спине?» На следующий день: «У гуппи есть забавная привычка. Когда он влюбляется, то покусывает объект своей любви за брюшко». Или: «Вы знаете, что бабочка Мёрт-

вая голова умеет пищать?» И ещё: «У птиц почти отсутствует обоняние, но у них хорошее зрение, и они любят красный цвет. Им нравятся красные и жёлтые цветы, но не голубые». А возможно, однажды он вынул бы свой кусочек мела и написал: «У некоторых пчёл языки в два раза длиннее, чем они сами. Поэтому они могут собирать нектар с цветков, у которых очень узкие длинные бутонны». Или: «Спорим, вы не знаете, что в некоторых знатных английских домах дворецкий до сих пор гладит газеты, прежде чем положить их перед хозяином во время завтрака».

В нашей школе обучались около шестидесяти мальчиков и девочек в возрасте от пяти до одиннадцати лет. У нас были четыре классные комнаты и четверо учителей.

Мисс Бердси преподавала в начальном классе — учила пяти-шестилетних детей. Она была очень милой. В ящике её стола хранилась коробка с анисовым драже. Каждому, кто хорошо отвечал на уроке, она давала по одному драже, и счастливчик мог сосать его прямо на уроке. Весь смысл в том, что анисовое драже нельзя жевать. Его нужно держать под языком, пока оно не растает само собой, и тогда у вас во рту останется маленькое коричневое зёрнышко. Это и будет анис. И когда вы раскусите зёрнышко, то почувствуете его потрясающий вкус. Отец рассказал мне, что собаки обожают анис. Когда не могут найти лис, охотники разбрасывают анис на несколько миль вокруг и пускают охотничьих собак. Те идут на запах, потому что обожают анис. Этот способ охоты известен как охота с анисовой приманкой.

Семи- и восьмилетних детей учил мистер Корrado. Он тоже был хорошим. И очень старым, лет

за шестьдесят. Но это не помешало ему влюбиться в мисс Бердси. Мы догадывались об этом потому, что он давал ей лучшие порции мяса, когда приходила его очередь дежурить в столовой. И когда она ему улыбалась, он в ответ улыбался во весь рот, обнажая не только передние зубы, но и все остальные.

Учитель по имени капитан Ланкастер занимался с десятилетними и одиннадцатилетними детьми, включая и меня. Иногда его называли Ланкерс. Это был ужасный человек. С огненно-рыжими торчащими волосами, коротко подстриженными усиками того же цвета и огненной натурой. Огненно-рыжие волоски торчали из его ноздрей и ушей. Во времена войны с Гитлером он служил в армии и был капитаном. Поэтому до сих пор называет себя именно так, а не просто мистером Ланкастером. Мой отец говорит, что это глупо. Миллионы людей, принимавших участие в войне, ещё живы, но большинство из них стараются забыть об этом кошмаре, тем более о своих паршивых армейских званиях. У капитана Ланкастера был зверский характер, и мы его боялись.

Обычно он сидел за столом и следил за нами своими светло-голубыми, почти бесцветными глазами, отыскивая какой-нибудь беспорядок. Он сидел и сопел, словно собака, обнюхивающая кроличью нору.

Мистер Снодди, наш директор, преподавал в самом старшем классе. Его все любили. Это был маленький полный мужчина с большим красным носом. Из-за этого носа я всегда жалел его. Нос был таким большим и таким воспалённым, что казалось, вот-вот взорвётся и разнесёт в клочки самого мистера Снодди.

Мистер Снодди всегда приносил с собой в класс стакан воды и отпивал из него маленькими глоточками во время урока. По крайней мере, все думали, что это стакан с водой. Все, кроме меня и моего лучшего друга Сидни Моргана. Мы знали правду, и вот как мы её выяснили. Мой отец чинил машину мистера Снодди, а я всегда приносил ему в школу счета, чтобы не платить за почтовую пересылку.

Однажды во время перемены я пошёл в его кабинет отдать ему счёт, и Сидни Морган увязался за мной. Не специально, просто так получилось. Когда мы зашли, то увидели, как мистер Снодди, склонившись над столом, наполняет свой знаменитый стакан жидкостью из бутылки с этикеткой «Гордон джин». При виде нас он аж подпрыгнул.

— Нужно стучаться, когда входите, — сказал он, отодвигая бутылку за кипу книг.

— Извините, сэр, — сказал я. — Я принёс вам счёт от отца.

— Ах, да. Очень хорошо. А ты зачем пришёл, Сидни?

— Ни за чем, сэр. Просто так.

— Тогда уходите, оба, — сказал мистер Снодди, продолжая держать руку на бутылке. — Давайте идите.

В коридоре мы договорились, что никому не расскажем о том, что увидели. Мистер Снодди всегда был добр к нам, и в благодарность за это мы решили сохранить его секрет в тайне.

Единственный человек, которому я о нём всё же поведал, был мой отец. Выслушав меня, он сказал:

— Ничуть не виню его, Дэнни. Будь я женат на миссис Снодди, я бы пил что-нибудь покрепче джина.

— Папа, а что бы ты пил?

— Яд, — ответил отец. — Она жуткая женщина.

— Почему жуткая? — спросил я.

— Настоящая ведьма. И тому есть доказательство. У неё на ногах по семь пальцев.

— Откуда ты знаешь? — удивился я.

— Мне сказал доктор Спенсер, — ответил отец и, чтобы сменить тему разговора, спросил: — Почему ты никогда не приглашаешь к себе Сидни Моргана?

С тех пор как я начал ходить в школу, отец постоянно предлагал мне пригласить к нам ребят на чай или ужин. И каждый год на мой день рождения он говорил: «Дэнни, давай устроим вечеринку. Напишем всем приглашения, а я схожу в деревню и куплю шоколадных эклеров, пончиков и большой торт со свечами».

Но я всегда отвечал «нет». И никогда не приглашал к себе друзей ни после школы, ни на уик-энд. Не потому, что у меня их не было. У меня было очень много хороших друзей, и лучшим из них я считал Сидни Моргана. Не знаю, может, если бы я жил с ними на одной улице, а не за несколько миль в стороне, всё было бы иначе. Хотя не уверен. Честно говоря, настоящая причина заключалась в том, что мне было очень хорошо с моим отцом.

Кстати, в этот четверг, когда отец оставил меня у ворот школы, а сам пошёл покупать изюм, со мной приключилась довольно неприятная история. Началось всё на первом уроке, который проводил капитан Ланкастер. Он продиктовал нам уйму чисел,

которые мы должны были перемножить в наших тетрадках. Я сидел вместе с Морганом в последнем ряду, и мы оба упорно трудились над заданием. Капитан Ланкастер восседал за столом и подозрительно наблюдал за классом своими водянистыми глазами. Даже с последнего ряда я слышал, как он сопит и урчит, словно собака у кроличьей норы.

Сидни прикрыл рот ладонью и очень тихо прошептал в мою сторону:

— Сколько будет девятью восемь?

— Семьдесят два, — так же шёпотом ответил я.

Палец капитана Ланкастера тут же нацелился мне прямо в лицо.

— Ты! — закричал он. — Встать!

— Я, сэр?

— Да, ты, болтливый маленький идиот.

Я встал.

— Ты разговаривал! — пролаял он. — О чём ты говоришь? — Он кричал на меня, словно на рёту солдат на плацу. — Давай рассказывай!

Я стоял и молчал.

— Ты отказываешься отвечать мне? — заорал он.

— Пожалуйста, сэр, — сказал Сидни. — Это я виноват. Я спросил у него кое-что.

— Неужели? Спросил? Встать!

Сидни встал рядом со мной.

— И что же ты у него спросил? — Голос капитана Ланкастера стал менее громким и оттого более опасным.

— Я спросил его, сколько будет девятью восемь?

— И я полагаю, ты ему ответил? — Капитан Ланкастер никогда не называл нас по именам. Всегда только «ты», «мальчик», «девочка» или что-нибудь в этом роде. — Так ответил ты или нет? Говори же.

— Да, сэ́р, — сказал я.

— Значит, вы сжульничали оба.

Мы молчали.

— **Жульничество** — любимое занятие шалопаев и хулиганов! — проговорил он.

Со своего места я видел, как весь класс замер, напряжённо глядя на капитана Ланкастера. Никто не смел пошевелиться.

— Можете лгать, мошенничать и свинячить у себя дома. Здесь я этого не потерплю.

На меня вдруг накатила волна безрассудной ярости, и я закричал в ответ:

— Я не обманщик!

В классе воцарилась зловещая тишина. Капитан Ланкастер задрал подбородок и уставился на меня своими водянистыми глазами:

— Ты не только обманщик, но и нахал, — тихо проговорил он. — Ты очень наглый мальчик. Подойдите сюда оба.

Шагая к доске, я уже точно знал, что сейчас произойдёт. Я много раз видел, как это было с другими — и мальчиками, и девочками. Но сам я никогда не попадался. Хотя каждый раз я содрогался.

Мистер Ланкастер встал и подошёл к высокому книжному шкафу, стоящему слева от доски. Он достал с верхней полки эту ужасную палку. Она была белой, как кость, очень длинная и очень тонкая, и напоминала трость, предназначенную для опоры при ходьбе.

— Ты первый, — сказал он, указывая на меня палкой. — Вытяни левую руку.

Мне не верилось, что этот человек намеренно и хладнокровно собирается причинить мне боль. Я вытянул левую руку вперёд ладонью вверх.

Я смотрел на розовую, испещрённую линиями ладошку и не мог представить, что сейчас с ней может что-то произойти.

Длинная тонкая палка взметнулась в воздух и с коротким хлопком, похожим на ружейный выстрел, опустилась на мою ладонь. Я услышал сначала звук удара, а пару секунд спустя почувствовал боль. Никогда в жизни мне не было так больно. Будто кто-то приложил к моей руке раскалённую кочергу и сильно прижал её к ней. Помнится, я схватил правой рукой свою покалеченную левую руку и зажал её между ног. Я всё сжимал и сжимал её, словно боялся, что она распадётся на кусочки. Я сдержался и не закричал, но по щекам у меня катились слёзы.

Где-то рядом со мной послышался тот же ужасный звук. Я понял, бедняга Сидни получил свою порцию.

О эта пылающая, страшная боль в руке! Почему она не проходит?

Я взглянул на Сидни. Как и я, он корчился от боли, сжимая между ног свою руку и гримасничая от боли.

— Садитесь на место. Оба! — приказал капитан Ланкастер. — И больше никакого обмана! — напутствовал нас ужасный голос. — И без наглости!

Мы проковыляли обратно к своему столу и сели. Все склонили головы над учебниками, как прихожане в церкви, творящие молитвы.

Я посмотрел на свою руку. По всей ладони до самой кисти тянулся безобразный красный след. Я пошевелил пальцами. Они шевелились, только сильно болели. Я покосился на Сидни. Он бросил на меня быстрый извиняющийся взгляд и снова уткнулся в тетрадь.

Когда я вернулся домой после школы, отец работал в мастерской.

— Я купил изюм, — сказал он, увидев меня. — Принеси мне, пожалуйста, кувшин с водой.

Я сбегал в фургон, взял кувшин и до половины наполнил его водой. Отнёс в мастерскую и поставил на скамью.

— Открывай пакеты и высыпай изюм.

Это была ещё одна прекрасная черта характера моего отца. Он не пытался один сделать всю работу. Было ли это что-то трудное, например установка карбюратора на мотор, или такой пустяк, как размачивание изюма в воде, он всегда позволял попробовать сначала мне, а сам стоял и смотрел на меня, готовый в любую минуту прийти на помощь. И сейчас я открыл пакет под его взглядом.

— Эй! — воскликнул он, хватая меня за левое запястье. — Что с твоей рукой?

— Ничего, — сказал я, сжимая руку.

Он заставил меня разжать кулак. Через всю ладонь, как ожог, пролегла длинная пунцовая отметина.

— Кто это сделал? — закричал отец. — Капитан Ланкастер?

— Да, папа, но ничего страшного.

— Что случилось? — Отец чуть не до боли сжал мою кисть. — Расскажи мне подробно, что произошло?

Пока я рассказывал, он держал мою кисть в руке, и его лицо постепенно становилось всё бледнее и бледнее. Я видел, как в нём закипает опасная ярость.

— Я его убью! — прошептал отец, когда я закончил рассказ. — Клянусь, я убью его! — Его глаза метали молнии, все краски сбежали с его лица. Я никогда раньше не видел отца таким.

— Папа, забудь!

— Я никогда этого не забуду, Дэнни! Ты не сделал ничего плохого, и у него нет никакого права бить тебя. Значит, он назвал тебя мошенником?

Я кивнул.

Отец сорвал с крючка на стене пиджак и надел его.

— Куда ты идёшь?

— Я иду домой к капитану Ланкастеру и задам ему хорошую трёпку.

— Папа, пожалуйста, не надо. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Я должен.

— Нет! — закричал я, вырывая руку. — Пожалуйста, не делай этого! Потом мне будет ещё хуже. Пожалуйста, папа!

— Но я должен, — не сдавался отец.

— Нет! — крикнул я, повисая у него на руке. — Пожалуйста, не надо!

Отец колебался. Я взял его за руку. Он молчал, краска гнева медленно сползла с его лица.

— Это возмутительно! — сказал он.

— Бьюсь об заклад, когда ты ходил в школу, тебе тоже доставалось.

— Конечно, доставалось.

— И я уверен, твой отец не пытался задать трёпку учителю, который несправедливо с тобой обошёлся. — Отец смотрел на меня и молчал. — Я прав, папа?

— Да, Дэнни.

Я отпустил его руку, помог ему снять пиджак и повесил его на крючок.

— А теперь я замочу изюм, — сказал я. — И не забудь: завтра я сильно простужусь и не смогу пойти в школу.

— Всё правильно.

— Нам нужно набить порошком две сотни изюминок, — напомнил я.

— А, да, конечно.

— Думаю, мы справимся, — сказал я.

— Сильно болит? — спросил отец. — Твоя рука?

— Нет, совсем немного.

Я думаю, мой ответ удовлетворил его. В течение этого дня и вечером он время от времени посматривал на мою руку, но разговоров об этом больше не заводил.

В этот вечер он не рассказывал мне никаких историй. Он сидел на краю моей кровати, и мы толковали о том, что будем делать завтра в лесу мистера Хейзла. Этот разговор так взволновал меня, что я

потом долго не мог уснуть. Должно быть, и отец разволновался, потому что, когда он лёг в свою койку, я слышал, как он ворочается и тяжело вздыхает. Ему тоже не спалось.

Около половины одиннадцатого отец поднялся и хотел поставить чайник.

— В чём дело, папа?

— Ни в чём, — ответил он. — Можем же мы устроить ночную фиесту?

— Конечно, давай устроим.

Он зажёл лампу под потолком, открыл банку тунца и сделал великолепные бутерброды. А ещё приготовил шоколад для меня и чай для себя. Затем мы снова заговорили о фазанах и о лесах мистера Хейзла.

Уснули мы очень поздно.

Пятница

Когда утром отец разбудил меня в шесть часов, я сразу понял, что это будет совершенно особый день. Я жаждал его прихода и боялся его. В этот день в моём желудке поселились бабочки. Нет, не бабочки. Настоящие змеи.

Первое, что я сделал, когда оделся, повесил на бензоколонку табличку с надписью: «Извините. Закрыто». Мы наскоро позавтракали и уселись за стол, чтобы приготовить изюм. Изюм уже разбух в воде, стал мягким, и теперь его можно было легко надрезать бритвой.

Я надрезал изюм, выжимал из него сок, а отец открывал капсулы по одной, высыпал её содержимое на лист бумаги. Затем лезвием ножа разделял порошок на четыре маленькие кучки. Каждую порцию осторожно сгребал и засыпал в изюминку. Всего труднее было зашивать изюм, и эту часть работы отец взял на себя. На изготовление одной изюмины уходило около двух минут. Увлекательное было занятие.

— Твоя мама прекрасно шила, — сказал отец. — Она зашила бы этот изюм в одночасье.

Я промолчал. Я никогда не знал, что отвечать, когда он заводил разговор о маме.

— Знаешь, Дэнни, она шила мне всю одежду. Всю, что я носил.

— Даже носки и свитера? — спросил я.

— Да. Только их она вязала. И очень ловко! Когда она вязала, спицы так и мелькали в её руках, глазом не уследишь. Я сидел здесь по вечерам, глядя на неё, а она говорила о детях, которых собиралась завести. «У меня будет трое детей, — говорила она. — Мальчик для тебя, девочка для меня и третий в довесочек».

После непродолжительной паузы я спросил:

— Папа, а при маме ты часто уходил по ночам или только иногда?

— Ты имеешь в виду охоту на фазанов?

— Да.

— Часто. По крайней мере, дважды в неделю.

— И она не возражала?

— Возражала? Нет, конечно. Она ходила со мной.

— Не может быть!

— Ещё как может. Она ходила со мной каждый раз почти до самого твоего рождения. Тогда ей пришлось остановиться. Она уже не могла быстро бегать.

Некоторое время я раздумывал об услышанном, потом спросил:

— Папа, она ходила с тобой, потому что любила тебя? Или ей нравилась охота на фазанов?

— И то и другое.

Я начал понимать, какое это должно было быть горе, когда она умерла.

— А ты не боялся, что её могут подстрелить?

— Конечно, боялся. Но быть с нею вместе на охоте... Это нечто потрясающее!

К полудню мы подготовили сто тридцать шесть изюминок.

— Всё идёт по плану, — сказал отец. — Давай прервёмся на обед.

Он открыл банку фасоли и разогрел её на горелке. Я отрезал два ломтя хлеба и положил их на тарелки. Отец разложил горячую фасоль на хлеб, мы взяли тарелки, вышли из фургона и, поджав ноги, уселись на крыльце.

Я люблю фасоль с хлебом, но сегодня мне кусок в горло не шёл.

— Что случилось? — спросил отец.

— Я не голоден.

— Не волнуйся, — сказал отец. — Со мной было то же самое, когда я впервые отправился в лес. Я тогда был твоего возраста, может, чуть постарше. В те времена мы всегда в пять часов пили на кухне чай. Я как сейчас помню, что было в тот вечер. На столе стоял мой любимый бифштекс, запечённый в тесте. Мама умела делать его как никто другой. Она запекала его в огромной сковороде вместе с йоркширским пудингом. Над коричневой хрустящей корочкой возвышались пузырчатые поры, а между горами проглядывали сосиски, наполовину запрятанные в тесте. Фантастическое зрелище. Но в тот день мой желудок не воспринимал пищу, я не мог проглотить ни кусочка. Думаю, сейчас ты чувствуешь себя так же.

— В моём желудке полно змей, — пояснил я. — Они свиваются и развиваются, и никак их не остановишь.

— Мой желудок тоже сегодня не в порядке, — признался отец. — Но это и понятно, ведь нам предстоит необычное дело. Так, Дэнни?

— Конечно, необычное.

— А знаешь, Дэнни, как это называется? Это самая выдающаяся, самая грандиозная браконьерская вылазка в мировой истории!

— Не надо, папа, не продолжай. А то у меня в низу живота ещё больше тянуть начинается. Во сколько мы выходим?

— Я всё продумал, — ответил отец. — Мы должны войти в лес за пятнадцать минут до захода солнца. Если мы придём позднее, фазаны устроятся на ночлег, и тогда всё пропало.

— А когда сейчас солнце садится?

— Около половины восьмого. Нам необходимо войти в лес ровно в семь пятнадцать. До леса полтора часа ходу, значит, выйти мы должны без четверти шесть.

— Тогда нам лучше поторопиться с изюмом. Надо успеть сделать ещё больше шестидесяти штук.

Мы закончили нашу работу на два часа раньше. Изюм лежал плотной кучкой на белой тарелке посередине стола.

— Ну разве не прелесть! — сказал отец, крепко потирая руки. — Фазаны просто влюбятся в него, это уж точно.

Потом мы ещё повозились в мастерской, и в половине шестого отец скомандовал:

— Всё! Пора собираться! Через пятнадцать минут выходим!

Когда мы направились к фургону, у бензонасосов остановился легковой автомобиль с кузовом «универсал». За рулём сидела симпатичная черноволосая

женщина, а сзади теснилось, наверное, ребяташек восемь, с мороженым в руках.

— О, я знаю, что вы закрыты, — сказала женщина сквозь окно. — Но позвольте мне залить несколько галлонов бензина. У меня почти пустой бак.

— Налей ей, но только быстро, — распорядился отец.

Я взял ключ от конторы и отпер один из бензонасосов. Наполнил бак, взял деньги и дал сдачу.

— Обычно вы не закрываетесь так рано, — заметила женщина.

— Нам нужно уйти, — ответил я, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу. — Нам с отцом надо кой-куда сходить.

— Ты подпрыгиваешь, как заяц, — сказала женщина. — Наверное, это дантист?

— Нет, мэм, это не дантист. Но извините меня, пожалуйста. Я должен идти.

В лесу

Отец вышел из фургончика в старом тёмно-синем свитере и коричневой кепке с низко опущенным козырьком.

— Папа, а что у тебя там? — спросил я, увидев, как что-то выпирает у него из-под свитера.

Он задрал свитер и показал мне два тонких, но очень больших белых холщовых мешка, аккуратно обмотанных вокруг пояса.

— Чтобы кое-что нести, — туманно пояснил он.

— А-а-а.

— Иди и надень свитер. Он у тебя коричневый, не так ли?

— Да, — ответил я.

— Сойдёт. Но сними эти белые туфли и надень чёрные ботинки.

Я вернулся в фургон, сменил обувь и надел свитер. Когда я вышел, мой отец стоял около бензоколонки и, подняв голову, внимательно смотрел. Солнце в этот момент находилось чуть ли не вровень с верхушками деревьев, высившимися на краю долины.

— Папа, я готов.

— Молодец. В путь!

— Ты взял изюм? — спросил я.

— Он здесь, — сказал отец, похлопав по сильно оттопыренному карману брюк. — Я сложил его в один пакет.

Стоял тихий солнечный вечер, редкие клочья белых облачков неподвижно застыли на небе, разри-

сованном закаты. В долине было прохладно и тихо, когда мы начали свой путь по направлению к холмам Вендовера. Железка на ноге моего отца издавала звук, похожий на удары молотка по гвоздю.

— Знаешь, Дэнни, хотелось бы мне, чтобы мой старик шёл сейчас с нами. Он бы был на седьмом небе от счастья.

— И мама тоже, — добавил я.

— О да, — сказал отец с лёгким вздохом. — Твоя мама любила такие походы. Из леса она всегда что-нибудь приносила, чтобы украсить фургон. Летом это были полевые цветы и травы, а когда появлялись семена и колосья, она составляла букеты, особенно со стеблями пшеницы и ячменя, осенью она приносила ветки с красивыми листьями, а зимой — с ягодами.

Некоторое время мы шли молча. Потом отец спросил:

— Ну и как ты себя чувствуешь, Дэнни?

— Ужасно, — сказал я. — Просто ужасно. Змеи по-прежнему извиваются у меня в животе, и всё-таки я бы сейчас не поменялся местами даже с королём Аравии. А как ты думаешь, они не нарыли ещё больше этих ям-ловушек, чтобы поймать нас?

— Не думай ты об этих ямах, Дэнни, — успокоил меня отец. — На этот раз я буду внимательнее. Мы пойдем осторожно и очень медленно.

— А когда мы придём в лес, уже стемнеет?

— Ещё нет, — ответил отец.

— Но ведь тогда сторожа могут нас увидеть!

— Ого, в этом-то и вся соль. Мы поиграем с ними в прятки. Это будет самая величайшая, самая великолепная игра в прятки!

— Потому что у них есть ружья?

— В общем, да. Это добавляет остроты.

Больше мы не разговаривали. Чем ближе мы подходили к лесу, тем большее возбуждение овладевало моим отцом. Он начинал напевать какие-то совершенно древние песни, но потом вместо слов слышалось: «Там-та-там-татам-татам». Затем он переходил на другую песню и звучало: «Пам-па-пам-пам-па-пам». И при этом он старался выдержать ритм со своей цокающей ногой.

Когда ему это надоело, он обратился ко мне:

— Хочу рассказать тебе кое-что интересное о фазанах, Дэнни. По закону фазаны считаются птицами дикими, и они принадлежат тому, на чьей земле находятся. Ты это знал, Дэнни?

— Нет, не знал.

— Понимаешь, если один из фазанов мистера Хейзла перелетит, например, на нашу заправочную станцию, — сказал отец, — он будет наш. И никто не имеет права дотронуться до него.

— Даже если мистер Хейзл купил его, когда он был маленьким птенцом? — удивился я. — Купил и вырастил в своём лесу?

— Совершенно верно. Если фазан улетел с его земли, он его потерял. Ну, если, конечно, фазан снова к нему не вернётся. То же самое и с рыбой. Если форель или лосось переплывут, скажем, из твоего затона в чей-то ещё, ты не можешь сказать: «Эй, это моя рыба! Я хочу получить её обратно!» Понимаешь?

— Конечно. Но я не знал, что это относится и к фазанам.

— Это относится ко всем — оленям, куропаткам, гусям. Список можешь продолжить сам.

Прошло не меньше часа с четвертью, прежде чем мы подошли к пролому в живой изгороди. Оттуда просёлочная дорога вела к лесу, где жили фазаны. Мы перешли дорогу и перебрались через пролом. Поднявшись на холм, мы увидели перед собой лес, большой и тёмный. Солнце уже садилось за деревья, и короткие золотые проблески время от времени озаряли их вершины.

— Дэнни, никаких разговоров в лесу, — предупредил отец. — Держись ко мне поближе. И постарайся не задевать ветки.

Пять минут спустя мы были на месте. От леса нас отделяла только живая изгородь.

— Давай, — сказал отец. — Идём.

Он на четвереньках пролез сквозь изгородь, я последовал за ним.

В лесу было прохладно и сыро. Солнечный свет сюда не проникал. Отец взял меня за руку, и мы начали пробираться между деревьев. Я был ему очень благодарен за то, что он держал меня. Я и сам хотел

взять его за руку, когда мы вошли в лес, но подумал, что он это не одобрит.

Отец был очень напряжён. Он высоко поднимал ноги и осторожно опускал их на тёмную листву. При этом он всё время вертел головой, и его взгляд медленно скользил по сторонам, выискивая опасность. Я пытался делать то же самое, но скоро за каждым деревом мне стал мерещиться сторож, и я бросил это занятие.

Мы шли так минуты четыре-пять, всё более и более углубляясь в чащу леса.

Затем, подняв головы, мы увидели над собой кусок неба, и я понял, что это, должно быть, и есть та поляна, о которой мне говорил отец. На эту поляну выпускали птенцов в начале июля. Сторожа их кормили, поили и стерегли. И многие птицы по привычке оставались здесь до самой охоты.

— На этой поляне всегда много фазанов, — сказал отец.

— И сторожей?

— Да. Но там есть где спрятаться. Вокруг поляны сплошь высокий кустарник.

Поляна была примерно в сотне ярдов от нас. Мы остановились за большим деревом, и отец стал осматриваться вокруг. Очень внимательно, не торопясь. Его взгляд не пропустил ни одной тени, ни одной детали, доступной его взору.

— Теперь, Дэнни, нам придётся ползти, — прошептал он, отпуская мою руку. — Всё время держись за мной и делай всё, что делаю я. Если увидишь, что я лежу, уткнувшись лицом в землю, ложись так же. Понял?

— Понял, — прошептал я в ответ.

— Тогда вперёд!

Отец опустился на четвереньки и пополз. Я следовал за ним. Он полз на удивление быстро, мне пришлось потрудиться, чтобы не отстать от него. Через каждые несколько секунд он оглядывался, проверяя, всё ли со мной в порядке. В ответ я кивал и улыбался.

Мы ползли и ползли и наконец благополучно добрались до разросшихся кустов на краю поляны. Отец подтолкнул меня локтем и указал на фазанов.

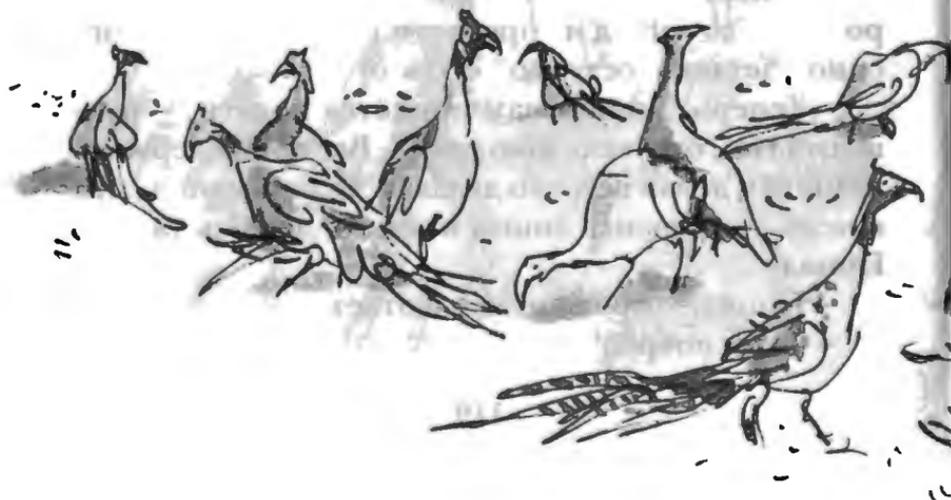
Поляна буквально кишела фазанами. По меньшей мере две сотни огромных птиц с важным видом расхаживали между пнями.

— Ты видишь их? — прошептал он.

Это было фантастическое зрелище. Охотничья мечта стала явью. И до чего же они были близко! Некоторые из них разгуливали в десяти шагах от нас. Пухлые коричневатые курочки были такими жирными, что их перья чуть ли не касались земли. Петушки были стройные, элегантные, с длинными хвостами и красными пятнышками вокруг глаз.

Я взглянул на отца. Он был не просто взволнован. Он был в экстазе. Рот приоткрылся, глаза, устремлённые на фазанов, ярко светились огнём.

— Там сторож, — тихо сказал он.

Я мгновенно замер. Сначала я даже боялся поднять глаза.

— Вон там, — прошептал отец.

Нельзя шевелиться, сказал я себе. Нельзя даже повернуть голову.

— Смотри, — снова прошептал отец. — На той стороне, у того большого дерева. Только осторожнее.

Я медленно, очень медленно повернул голову в указанном направлении.

— Папа! — прошептал я.

— Теперь не шевелись, Дэнни.

— Да, но, папа...

— Всё хорошо. Он нас не видит.

Мы изо всех сил вжимались в землю, не отводя взгляда от сторожа. Это был маленький мужчина, в кепке и с ружьём под мышкой. Он не двигался. Просто какой-то невысокий столб у края поляны.

— Папа, может, нам уйти?

— Ш-ш-ш.

Медленно, не сводя глаз со сторожа, он залез в карман и вынул изюмину. Он положил её на правую ладонь и быстро, одним движением кисти, подбросил её в воздух. Я видел, как изюмина пролетела над кустами и опустилась на расстоянии ярда от двух

курочек, стоящих у старого пня. Птицы одновременно повернули голову, затем одна из них, сделав несколько подпрыгивающих шажков, быстро ткнула носом в землю.

Готово, подумал я.

Я посмотрел на сторожа. Тот не двинулся с места.

Я чувствовал, как со лба у меня побежала струйка пота, но не решался поднять руку и вытереть его.

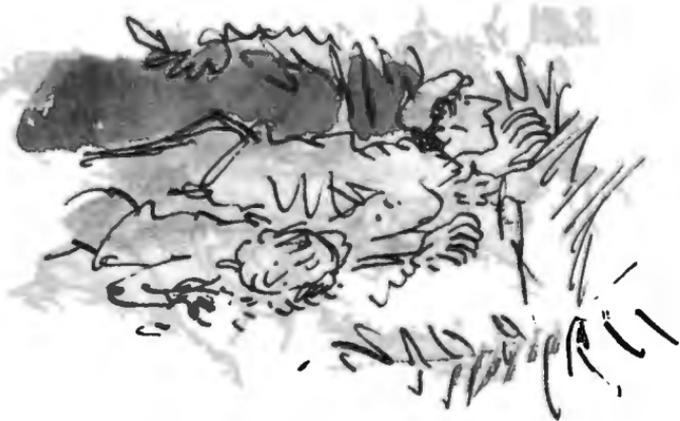
Отец бросил на поляну вторую изюмину... затем ещё одну, потом четвёртую... пятую...

Сколько нужно иметь мужества, чтобы делать это, подумал я. Будь я один, я не остался бы здесь ни секунды. Но мой отец, похоже, находился в охотничьем трансе. Ничего вокруг него не существовало. Ещё бы! Это был самый опасный, самый волнующий момент охоты.

Он продолжал бросать изюмины на поляну, быстро, тихо, одну за другой. Мгновенное движение кисти, изюминка в воздухе, высоко над кустами, и вот уже она падает среди фазанов.

Затем я вдруг заметил, что сторож повернул голову и стал вглядываться в лес.

Мой отец тоже его увидел. Он молниеносно выхватил из кармана мешочек с изюмом и насыпал целую пригоршню ягод.

— Папа! — прошептал я. — Не надо!

Но отец, широко размахнувшись, метнул изюм на поляну.

Изюмины упали на землю с тихим шумом, так падают капли дождя на сухую листву, и, должно быть, все фазаны его услышали, потому что раздалось громкое хлопанье крыльев, и птицы бросились собирать драгоценные ягоды.

Сторож мгновенно завертел головой, но, похоже, ничего подозрительного не заметил. Птицы, как сумасшедшие, клевали изюм. Но всё же он сделал два шага вперёд, и мне показалось, что сейчас он углубится в лес и начнёт выяснять, в чём дело. Но сторож остановился, и его взгляд медленно заскользил по поляне.

— Ложись! — прошептал отец. — Не шевелись!

Я растянулся на земле и уткнулся лицом в палую листву. От земли исходил острый запах, напоминающий запах пива. Краешком глаза я заметил, что мой отец слегка приподнял голову и наблюдает за сторожем.

— Неужели тебе это не нравится? — прошептал он.

Я не рискнул ответить.

Мне показалось, мы лежали так целую вечность.

Наконец я услышал шёпот отца:

— Следуй за мной, Дэнни, но будь осторожен. Он всё ещё там. Не вставай с земли. — И на четвереньках быстро пополз обратно.

Я следовал за ним, не переставая думать о стороже, стоявшем сейчас где-то за нами. Я остро ощущал его присутствие, так же остро, как свою заднюю часть туловища, казалось видимую всем и каждому.

Мы проползли на четвереньках несколько ярдов, и отец приказал:

— А теперь бегом!

Мы рывком поднялись на ноги и побежали. Через несколько минут мы пребрались сквозь живую изгородь и оказались в безопасности — на просёлочной дороге.

— Всё прошло замечательно! — сказал отец, тяжело дыша. — Разве не так? — Он явно гордился собой.

— А сторож нас видел? — спросил я.

— Ни в коем случае, — заверил меня отец. — Через несколько минут солнце зайдёт, птицы заберутся на деревья, а сторож отправится домой ужинать. И тогда всё, что нам нужно сделать, это вернуться туда обратно и подобрать их с земли, как речную гальку.

Он сидел на травянистом откосе, чуть ниже изгороди. Я пристроился поближе к нему. Он обнял меня за плечи и прижал к себе.

— Ты держался молодцом, Дэнни. Я горжусь тобой.

Сторож

Мы сидели на травянистом откосе у изгороди и ждали, пока окончательно стемнеет. Солнце садилось, и небо затянулось бледной дымкой, слегка подсвеченной жёлтым. Тени сгущались, и просветы между деревьями в лесу из серых превращались в чёрные.

— Какой бы уголок мира мне сейчас ни предложили, я бы ни за что никуда не поехал, — сказал отец. Его лицо светилось от счастья. — Мы сделали это, Дэнни! — Он положил руку мне на колено. — Ты доволен?

— Ещё бы. Но было немного страшновато.

— Да, но в этом-то вся суть браконьерской охоты. Она нагоняет на нас страх. И поэтому мы её любим. Взгляни-ка, ястреб.

Я посмотрел, куда он указывал, и увидел ястреба, парящего в темнеющем небе над вспаханном полем через дорогу от нас.

— У него последний шанс поужинать сегодня вечером. Если ему повезёт, он что-нибудь ещё поймает.

Не считая лёгкого покачивания крыльев, ястреб совершенно неподвижно висел в воздухе. Казалось, его держит невидимая нить, как игрушечную птичку, подвешенную к потолку. Вдруг он сложил крылья и на невероятной скорости стрелой ринулся вниз. Великолепное зрелище. Оно всегда меня волновало.

— Пап, как думаешь, что он увидел?

— Возможно, крольчонка или полевую мышь.

Мы подождали: хотелось увидеть, как ястреб снова взмывает ввысь. Но он не взлетал, значит, хищник схватил добычу и ест её на земле.

— Папа, а через сколько времени начинает действовать снотворное?

— Точно не знаю. Может, через полчаса.

— Но на фазанов оно наверняка действует иначе, — сказал я.

— Всё может быть, — согласился отец. — Нам всё равно нужно выждать, пока сторожа не уйдут домой. Они уйдут, как только стемнеет. Я взял для нас по яблоку. — И он нырнул в один из своих карманов. — Держи, съешь пока яблоко.

— «Кокс оранж пипин», — сказал я, улыбаясь. — Спасибо.

Мы сидели, хрумя яблоками.

— Кстати, об этих яблоках... — сказал отец. — Есть одна занятная деталь. Если семечки начинают трещать, значит, яблоко созрело. Потряси его, и ты услышишь, как они трещат.

Я встряхнул полусъеденное яблоко. Семена потрескивали.

— Ш-ш-ш! — прервал меня отец. — Кто-то идёт.

Человек появился из сгущающихся сумерек неожиданно и совершенно тихо, и, прежде чем отец увидел его, он уже был довольно близко от нас.

— Это другой сторож, — прошептал отец. — Не шевелись и молчи.

Мы видели, как сторож шёл по дороге, направляясь к нам. В руке у него было ружьё, а следом на поводке бежал чёрный лабрадор. В нескольких шагах от нас он остановился, остановилась и собака, она стояла за своим хозяином, глядя на нас через его раздвинутые ноги.

— ДОБРЫЙ ВЕЧЕР! — ДАЖЕ ЧТО И НЕ ПОВЕРИТЕ. ЕГО
ДОВЕРИТЕ С ВАМИ

ЭТОТ СТОБОР
С ТЕМ

ПО
КО
МИ

КА
ЖИ
ОБ

КА
КА
ИДУТ

КА
КА
КИИ

КА
КА
КА

— Добрый вечер, — дружелюбно и весело поздоровался отец.

Этот сторож был высоким костлявым человеком с тяжёлым взглядом и тяжёлыми большими руками.

— Я знаю вас, — сказал он, подходя ближе. — Вас обоих,

Отец промолчал.

— Вы с заправочной станции, так? — У него были тонкие и сухие губы с коричневатым налётом на них. — А это ваш сын. Вы живёте в том паршивом фургоне, я прав?

— В какую игру мы играем? — спросил отец. — Кто задаст больше вопросов?

Сторож сплюнул. Большой плевок пролетел по воздуху и шлёпнулся рядом с гипсовой ногой отца.

— Уходите отсюда. Давайте! Живей!

Когда он говорил, верхняя губа поднималась, и я видел ряд мелких зубов. Один из них был чёрный, другие желтовато-коричневые, как зёрна граната.

— Вообще-то дорога общественная, — сказал отец. — Оставьте нас в покое, пожалуйста.

Сторож переложил ружьё из левой руки в правую.

— Вы бездельник, — сказал он. — И нарушаете порядок. Я могу посадить вас за это в тюрьму.

— Нет, не можете.

Этот разговор заставил меня нервничать.

— Вижу, вы сломали ногу. Случайно, не в яму ли угодили?

— Дэнни, чудесная у нас прогулка получилась, — сказал отец, положив мне руку на колено. — Но теперь нам пора домой. Как раз к ужину поспеем.

Он встал, я поднялся тоже. Мы не торопясь пошли по дороге в сторону дома, и вскоре фигура сторожа растаяла в сгущавшихся сумерках.

— Это был главный сторож, — сказал отец. — Его зовут Рэббитс.

— Папа, а мы правда идём домой?

— Домой?! — вскричал отец. — Мой дорогой мальчик, всё только-только начинается! Иди сюда.

Справа были ворота, ведущие в поле. Мы перелезли через них и уселись у живой изгороди.

— Мистер Рэббитс тоже скоро отправится ужинать. Так что не думай о нём.

Мы сидели и ждали, когда сторож пройдёт мимо нас, направляясь домой. Показалось несколько звёзд, яркая луна появилась над холмами.

— Нам надо быть поосторожнее с этой собакой, — сказал отец. — Когда они будут проходить мимо, задержи дыхание и не шевелись.

— А что, если собака всё равно учует? — спросил я.

— Не волнуйся. Сегодня безветренная погода, так что никакого запаха она не уловит. Тихо, они идут!

Сторож не торопясь шёл по дороге, собака, мягко переставляя лапы, следовала за ним. Я сделал глубокий вдох и так замер, сдерживая выдох.

Когда они отошли на некоторое расстояние, отец встал и радостно воскликнул:

— Всё в порядке! Сегодня он больше не вернётся.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— А как насчёт второго сторожа, того, что был на поляне? — поинтересовался я.

— Он тоже уйдёт.

— А вдруг кто-то из них будет поджидать нас там, в конце дороги, у дырки в ограде? — спросил я.

— Какой смысл им это делать? Попасть в лес и выйти из него можно разными путями. И мистер Рэббитс знает об этом.

Мы простояли за живой изгородью ещё несколько минут, так, на всякий случай, чтобы убедиться, что сторож ушёл.

— До чего приятно думать, — сказал отец, — что в этот самый момент двести фазанов устроились на деревьях и уже начинают хмелеть. Скоро они дождём начнут падать с веток.

Луна уже вовсю светила над холмами, и многочисленные звёзды сияли на небе, когда мы с отцом снова перелезли через ворота и зашагали к лесу.

Чемпион мира

Я думал, что в это время в лесу будет гораздо темнее. Но бриллиантовая луна заливала всё холодным таинственным светом.

— Я прихватил для нас с тобой по фонарику. Думаю, позже они нам пригодятся, — сказал отец, протягивая мне один из них.

Я включил его. Узкий, длинный, удивительно яркий луч протянулся передо мною, и, когда я двигался, казалось, что очень длинная волшебная палочка касается стволов деревьев. Я выключил фонарь.

Мы подходили к поляне, где ещё недавно кормили фазанов изюмом.

— Это будет первый случай в истории браконьерства, когда кто-то пытается украсть спящих фазанов. И разве не замечательно бродить по лесу, не опасаясь сторожей?

— А ты не думаешь, что мистер Рэббитс может тайком вернуться, чтобы проверить ещё раз?

— Ни за что. Он ушёл домой ужинать. Это святое.

Будь я на месте мистера Рэббитса, то не пошёл бы спокойно домой, приметив двух подозрительных типов, шатающихся возле леса, полного фазанов. Видимо, отец почувствовал мой страх, потому что снова взял меня за руку.

Так, рука в руке, мы пробирались к поляне. Через несколько минут мы были уже на месте.

— Вот здесь мы разбросали изюм, — сказал отец.

Я раздвинул ветви и выглянул. Поляна лежала в бледно-молочном свете луны.

— Что будем делать теперь? — спросил я.

— Останемся здесь и будем ждать, — сказал отец. Губы у него были бледные, щёки пылали, глаза ярко сверкали.

— Папа, сейчас фазаны устраиваются на ночь?

— Да. Они все здесь, вокруг нас. Фазаны далеко не уходят.

— А я могу их увидеть, если посвечу фонариком по ветвям?

— Нет. Они взбираются довольно высоко и прячутся в листве.

Мы стояли и ждали, пока что-нибудь не произойдёт. Но ничего не происходило. В лесу было очень тихо.

— Дэнни, — окликнул меня отец.

— Да, папа?

— Интересно, а как птица ухитряется удерживать равновесие во время сна?

— Не знаю, — ответил я. — А почему ты спрашиваешь?

— Это очень интересно.

— Что интересно?

— То, что птица, засыпая, не падает со своего насеста. Ведь если бы мы, сидя на ветке, уснули, то сразу бы упали. Разве не так?

— Папа, но у птиц длинные коготки. Думаю, ими они и держатся.

— Я знаю, Дэнни. Но всё же не понимаю, почему когти продолжают цепляться за ветку, если птица спит. Ведь у всех во сне мышцы расслабляются. Вот

я и подумал, что снотворное, возможно, не повлияет на способность птиц сохранять равновесие.

— Нет, это же снотворное. Они наверняка упадут.

— Да, но снотворное лишь погружает в более глубокий сон. А сон есть сон. С чего им тогда падать?

Повисло тяжёлое молчание.

— Нужно было сначала проверить всё на курах, — сказал отец.

Вдруг его лицо стало смертельно бледным. Мне даже показалось, что он вот-вот потеряет сознание.

— Мой отец всё проверял на курах, когда что-нибудь изобретал, — добавил он.

В этот момент раздался такой звук, будто что-то упало.

— Что это было? — спросил я.

— Тс-с!

Мы стояли, прислушиваясь.

Шлёп!

— Вот опять! — сказал я.

Это был глухой звук, как будто на землю уронили тяжёлый мешок с песком.

Шлёп!

— Это фазаны! — закричал я.

— Подожди!

— Пап, точно тебе говорю, это фазаны!

Шлёп! Шлёп!

— Может, ты и прав, Дэнни.

Мы включили наши фонарики и побежали на звук.

— Где они? — спросил отец.

— Да вот же, папа! Вот два фазана!

— Я так и думал: они должны быть здесь! Продолжай искать!

Примерно минуту мы молча искали фазанов.

— Нашёл одного! — воскликнул отец.

Когда я подошёл, он двумя руками держал курочку. Светя фонариком, мы внимательно рассмотрели её.

— Она так спит, что не проснётся и через неделю, — сказал отец.

Шлёп!

— Вот ещё один! — закричал я.

Шлёп! Шлёп!

— Ещё два! — ликовал отец.

Шлёп! Шлёп! Шлёп! Шлёп!

— О небо! — воскликнул отец.

Шлёп! Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Шлёп! Шлёп!

Фазаны начали дождём падать с деревьев. Падали и падали. Мы как сумасшедшие метались в темноте, подсвечивая землю фонариками.

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

На этот раз фазаны чуть не упали мне на голову. Я стоял под деревом, когда они падали, и найти их

было проще простого — две курочки и петушок. Вялые, тёплые, с удивительно мягкими перьями.

— Папа, куда мне их положить? — спросил я.

— Клади их сюда, Дэнни! Здесь светлее!

Отец стоял, залитый лунным светом, и в каждой руке у него было по несколько фазанов. Его лицо сияло, глаза блестели, он озирался вокруг как ребёнок, который только что открыл мир, полный чудес.

Шлёп!

Шлёп! Шлёп!

— Очень уж их много! — сказал я.

— Это великолепно! — воскликнул отец. Он опустил птиц на землю и побежал искать следующих.

Шлёп!

Теперь их легко было искать. Под каждым деревом лежали один-два фазана. Я быстро набрал шесть птиц — по три в каждую руку — и побежал обратно, чтобы положить их к другим. Потом нашёл ещё шесть. И затем ещё шесть.

А фазаны продолжали падать. Отец с ураганной скоростью носился под деревьями. Я видел только,

как метался в темноте яркий луч его фонарика, и слышал, как всякий раз, подбирая птицу, он испускал торжествующий крик.

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

— Эй, Дэнни! — крикнул отец.

— Да, я здесь. В чём дело, папа?

— Как ты думаешь, что сказал бы великий мистер Виктор Хейзл, если бы увидел это?

— Давай не будем о нём.

Фазаны падали ещё три-четыре минуты. Потом неожиданно всё прекратилось.

— Продолжай искать, Дэнни! — закричал отец. — Не останавливайся! Их тут ещё много!

— Папа, может, уже хватит? Давай уйдём подброду, — предложил я.

— Ни за что! — вскричал отец.

Мы продолжали искать. Мы заглянули под каждое дерево в пределах сотни ярдов, образующих эту поляну, и, думаю, подобрали бóльшую часть упавших птиц. В том месте, где мы их складывали, уже возвышалась целая гора фазанов, огромная, как рождественский костёр.

— Это чудо! — приговаривал отец. — Настоящее чудо! — Он смотрел на эту груду фазанов как заворожённый.

— Давай просто возьмём по шесть фазанов каждый и быстренько уйдём? — предложил я.

— Я хочу сосчитать их, Дэнни.

— Папа! Не сейчас!

— Я *должен* их сосчитать.

— Мы можем сделать это и позже.

— Раз... Два... Три... Четыре...

Он считал их очень тщательно, поднимая каждую птицу и осторожно откладывая её в сторону. Луна висела прямо над нашими головами, и вся поляна была залита ярким светом.

— Сто семнадцать... Сто восемнадцать... Сто девятнадцать... Сто двадцать... Это же рекорд! — вскричал отец. Никогда в жизни я не видел его таким счастливым. — Даже моему отцу ни разу не удалось поймать больше пятнадцати. И, помнится, когда он их поймал, потом целую неделю пьянствовал. А это... это, мой милый мальчик, это... мировой рекорд!

— Я чего-нибудь похожего и ожидал, — заметил я.

— И это сделал ты, Дэнни! Это ведь была твоя идея!

— Да нет, папа...

— О нет, твоя! А знаешь, что это значит? Это значит, что ты — чемпион мира!

Он задрал свитер и размотал повязанные вокруг талии холщовые мешки.

— Это тебе, — сказал он, протягивая один мешок. — Быстро набивай его.

Луна светила так ярко, что я смог прочитать надпись, идущую вдоль мешка: «Кестонская мельница, Лондон, 17».

— А ты не думаешь, что сторож с жёлтыми зубами в этот самый момент следит за нами из-за какого-нибудь дерева? — спросил я.

— Ни в коем случае, — успокоил меня отец. — Если он где-нибудь и стоит, то скорее всего у заправочной станции, поджидает, пока мы вернёмся с добычей.

Мы начали укладывать птиц в мешки. Они были мягкие, шеи их безжизненно болтались, а кожа под перьями всё ещё оставалась тёплой.

— Мы же не сможем перенести эту гору домой, — сказал я.

— Конечно, нет. На просёлочной дороге нас ждёт такси.

— Такси? — Я был потрясён.

— Мой отец всегда пользовался такси, когда отправлялся на большое дело.

— Господи боже мой, почему такси? — удивлялся я.

— Это ещё один секрет, Дэнни. Никто не знает, кто сидит в машине, кроме самого водителя.

— А кто водитель?

— Чарли Кинч. Он был очень рад услужить.

— И он знает о тайной охоте?

— Старина Чарли Кинч? Конечно, знает. В своё время он поймал больше фазанов, чем мы продали галлонов бензина.

Мы наполнили мешки, и отец закинул свой себе на плечо. Я не мог сделать то же самое: мешок был слишком тяжёл для меня.

— Тащи его, — посоветовал мне отец. — Тащи по земле.

В моём мешке лежало шестьдесят птиц, и он весил целую тонну, но легко скользил по сухой листве.

Мы подошли к опушке леса, и отец выглянул через пролом в живой изгороди.

— Чарльз, старина, — тихонько позвал он.

Старик, сидящий за рулём такси, выглянул из окна и улыбнулся беззубой хитрой улыбкой. Мы пролезли сквозь изгородь, волоча за собой мешки.

— Привет, привет, — сказал Чарли Кинч. — Что это такое?

Такси

Через две минуты мы уже сидели в такси в полной безопасности и медленно катили по ухабистому тракту, направляясь к главной дороге.

Отец светился от гордости и волнения. Он то и дело подавался вперёд, теребил Чарли Кинча за плечо и говорил:

— Ну как, Чарли? Что скажешь об улове?

Чарли время от времени поглядывал на туго набитые мешки и неустанно повторял:

— Ну и ну, парень! Как ты это сделал?

— Это сделал, Дэнни, — с гордостью говорил отец. — Мой сын — чемпион мира!

Затем Чарли сказал:

— Думаю, завтра гостям мистера Хейзла достанется не много фазанов, а, Уилли?

— Надеюсь, Чарли, — отвечал отец. — Очень надеюсь.

— Все эти нарядные господа наедут сюда на своих сверкающих машинах, а вокруг, подумать только, ни одной птички!

Чарли Кинч начал чихать, кашлять и хихикать, так что чуть не съехал с дороги.

— Папа, а что ты собираешься делать со всеми этими птицами? — спросил я.

— Поделюсь с нашими друзьями. Дюжину возьмёт Чарли, прямо сейчас. Ты согласен, Чарли?

— О да.

— Дюжину отдам доктору Спенсеру. Ещё одна дюжина — для Эноха.

— Ты имеешь в виду *сержанта* Сэмувейза? — Я чуть не задохнулся от удивления.

— Конечно, — ответил отец. — Энох Сэмувейз — один из моих старинных друзей.

— Да, Энох — хороший парень, — добавил Чарли. — Парень что надо.

Сержант Энох Сэмувейз, которого я хорошо знал, был деревенским полицейским. Большой, полный мужчина с чёрными усами. Он расхаживал по нашей Хай-стрит с видом человека, который знает, что он на службе. Серебристые пуговицы на его униформе сверкали как бриллианты. Один только его вид пугал меня так, что обычно я переходил на другую сторону улицы, лишь бы не встретиться с ним.

— Энох обожает жареных фазанов, как, впрочем, и другие, — сказал отец.

— Думаю, он кое-что знает о том, как они ловятся, — заметил Чарли Кинч.

Я был поражён, но в то же время испытал облегчение, потому что узнал, что сержант Сэмувейз такой же человек, как и мы, и теперь я буду меньше его бояться.

— Папа, а ты их сегодня поделишь?

— Нет, Дэнни, не сегодня. После тайной охоты на фазанов всегда следует возвращаться домой с пустыми руками. Никогда нельзя быть уверенным до конца, что мистер Рэббитс или кто-нибудь из его парней не поджидают тебя у дверей дома, чтобы посмотреть, не принёс ли ты чего-нибудь.

— О, он очень хитрый, этот мистер Рэббитс, — сказал Чарли Кинч. — Лучше всего было бы высыпать

фунт сахара в его бензобак, когда он не видит. Тогда он не смог бы приехать и выследить тебя у твоего дома. Для верности мы всегда подсыпали в баки сторожей немного сахару перед тем, как отправиться на охоту. Удивляюсь тебе, Уилли, как это ты об этом не позаботился, тем более что шёл на такое большое дело.

— А зачем нужен сахар? — спросил я.

— Да потому, что он застопорит любую машину, — объяснил Чарли Кинч. — Если бросить немного сахара, придётся разбирать весь мотор, иначе он не заработает. Так ведь, Уилли?

— Так, так, — ответил отец.

Мы свернули с просёлочной дороги на главную. Чарли Кинч включил третью скорость и поехал в сторону деревни.

— Ты сбросишь этих птичек у миссис Клипстоун? — спросил Чарли.

— Да, — ответил отец, — давай прямо к ней.

— Почему к миссис Клипстоун? — спросил я. — Она-то здесь при чём?

— Разве я тебе не говорил? Миссис Клипстоун всегда разносит фазанов по адресам.

— Нет, папа, этого ты мне не говорил.

Я был совершенно ошеломлён. Миссис Клипстоун была женой преподобного Лайнела Клипстоуна, местного vicar.

— Для раздачи фазанов всегда нужно выбирать уважаемую женщину, — заявил мой отец. — Так ведь, Чарли?

— Миссис Клипстоун — очень приятная леди, — подтвердил Чарли.

Я не верил своим ушам. Выходило, что в нашей округе почти все вовлечены в тайную охоту на фазанов.

— Викарий очень любит жареных фазанов на обед, — пояснил отец.

— А кто не любит? — сказал Чарли и снова начал кашлять, хихикать и задыхаться.

Теперь мы уже ехали по деревне. На улицах горели фонари. Мужчины, полные пива, брели домой из пабов. Я увидел мистера Снодди, директора моей школы, который, пошатываясь на нетвёрдых ногах, пытался незаметно проскользнуть домой с чёрного хода и не заметил строгого холодного лица миссис Снодди, наблюдавшей за ним в окно верхнего этажа.

— Знаешь, Дэнни, — сказал мне отец, — мы оказали этим птицам огромную услугу, позволив им безболезненно уснуть вечным сном. Завтра им пришлось бы намного хуже, если бы мы о них не позаботились.

— Те парни, которые приедут, никудашные стрелки, — пояснил Чарли. — По крайней мере, половина птиц погибла бы на лету или была бы изувечена.

Такси свернуло налево и въехало в ворота дома викария. В окнах было темно, и никто не вышел нам навстречу. Мы с отцом положили мешки с фазанами в сарайчик для угля. Потом попрощались с Чарли Кинчем и пошли к заправочной станции.

Вскоре деревня осталась позади. Мы вышли на открытую местность и, освещаемые луной, пошли по извилистой просёлочной дороге. Мы были одни, только отец и я, уставшие и счастливые.

— Не могу поверить! — твердил отец. — Просто не могу поверить!

— А у меня сердце всё ещё в пятках, — сказал я.

— У меня тоже. Но, Дэнни, — он положил руку мне на плечо, — мы отлично провели время!

Мы шли посреди дороги, как будто она пролегла по нашим владениям, а мы были лордами, которым принадлежало всё вокруг.

— Ты только вдумайся, Дэнни, сегодня ночью, в пятницу тридцатого сентября, мы с тобой поймали сто двадцать первоклассных фазанов в лесу мистера Виктора Хейзла!

Я посмотрел на отца. Его лицо светилось счастьем, он размахивал руками, и его железная ступня издавала при ходьбе забавное *клинк, клинк, клинк*.

— Жареный фазан! — кричал он, обращаясь к луне и всему миру. — Наипрекраснейшее и вкуснейшее блюдо на земле! Дэнни, ты, кажется, никогда не пробовал жареных фазанов?

— Никогда.

— Подожди! — кричал он. — Скоро попробуешь! Незабываемый вкус! Просто волшебный!

— Папа, а его обязательно нужно жарить?

— Конечно, его нужно жарить. Молодую птицу не варят. А почему ты спрашиваешь?

— Я просто подумал, как мы будем его готовить. Ведь для этого нужна плита или что-нибудь вроде того.

— Конечно.

— Но у нас же нет плиты, папа. У нас только парафиновая горелка.

— Я знаю. Поэтому я решил купить плиту.

— Купить плиту! — воскликнул я.

— Да, Дэнни, — сказал отец. — Имея такую кучу фазанов на руках, нам просто необходимо обзавестись соответствующим оборудованием. Завтра утром мы вернёмся в деревню и купим электроплиту в магазине Уилера. И поставим её в мастерской. Там у нас полно розеток.

— А она не очень дорогая?

— Жареный фазан стоит того, — назидательно произнёс отец. — И не забудь, Дэнни, прежде чем поставить птицу в духовку, необходимо обложить её ломтиками жирной свинины. Тогда фазан сохранит

свою сочность и будет хорошо смотреться. И ещё хлебный соус. Нам предстоит приготовить хлебный соус. Есть три вещи, которые совершенно необходимо подавать к жареному фазану: пастернак, хлебный соус и картофельные чипсы.

С полминуты мы молча предавались мечтам о столь замечательной пище.

— Я скажу тебе, что ещё мы должны сделать. Мы должны купить морозильник, где можно месяцами хранить продукты и они не пропадают.

— Папа, зачем нам морозильник?

— Ты же понимаешь, Дэнни, даже когда мы раздадим фазанов своим друзьям: Чарли Кинчу, преподобному Клипстоуну, доктору Спенсеру и Эноху Сэмвейзу и другим, у нас всё равно останется около пятидесяти птиц. Вот почему нам нужна морозильная камера.

— Но это же целое состояние!

— Да, но каждый пенни себя оправдает! — стоял на своём отец. — Дэнни, мальчик мой, представь себе: в любое время, когда нам захочется съесть на ужин жареного фазана, мы просто откроем морозильную камеру и, пожалуйста, — угощайся! Нам позавидуют все короли и королевы!

Прямо перед нами через дорогу пролетела сова, её большие белые крылья светились в лунном сиянии.

— Папа, а когда ты был мальчиком, у твоей мамы на кухне была плита?

— У неё было кое-что лучше: такая продолговатая чёрная штука. Она работала на угле двадцать четыре часа в сутки и никогда не подводила. Если у нас не было угля, мы топили ее дровами.

— И в ней вы запекали фазанов?

— В ней можно было запечь всё, что угодно, Дэнни. А зимой она обогривала весь дом.

— Папа, но ведь у вас с мамой не было такой печки? Ну, когда вы поженились? И плиты не было, да?

— Нет, не было. Мы не могли позволить себе такую роскошь.

— Тогда как же ты готовил фазанов?

— О, мы разводили на улице костёр и жарили фазана на вертеле. Так делают цыгане.

— На вертеле?

— Это что-то вроде длинной металлической спицы, которой протыкают дичь, и поворачивают её над огнём. Нужно только воткнуть в землю два расщеплённых наподобие вилок стержня или палки с сучками на концах и поставить на них вертел с дичью, так чтобы он оказался над костром.

— И фазан хорошо прожаривался?

— Очень хорошо, — ответил отец. — Но в плите он прожарится ещё лучше. Слушай, Дэнни, в магазине мистера Уилера большой выбор плит. Там есть одна с таким количеством кнопочек и ручек, ну прямо как в кабине пилота.

— Её ты и хочешь купить, папа?

— Не знаю, — ответил он. — Завтра мы всё решим.

Мы шли и шли, и вскоре перед нами из лунного света выплыла заправочная станция.

— Папа, как ты думаешь, мистер Рэббитс нас поджидает?

— Если и поджидает, то ты всё равно его не увидишь. Сторожа всегда прячутся или за деревом, или за изгородью и выходят из своего укрытия, только если ты несёшь тяжёлый мешок или если твой карман как-то подозрительно оттопыривается. Так что не волнуйся.

Не знаю, следил за нами мистер Рэббитс или нет, когда мы направлялись к фургону, но никаких признаков его присутствия мы не заметили. Войдя в фургон, отец зажёл парафиновую лампу, а я зажёл горелку и поставил чайник, чтобы приготовить нам по кружке горячего какао.

Несколько минут спустя, когда мы сидели, отхлёбывая из кружки горячий напиток, отец сказал:

— Сегодня был лучший день в моей жизни.

Спи, малыш

Восемь тридцать утра мой отец пошёл в мастерскую и позвонил доктору Спенсеру.

— Послушайте, доктор. Не могли бы вы заглянуть к нам на станцию через полчаса. У меня есть для вас приятный сюрприз.

В ответ доктор что-то сказал, и отец положил трубку.

В девять часов доктор Спенсер приехал на своей машине. Отец подошёл к нему, и они начали о чём-то шептаться за бензоколонкой. Неожиданно маленький доктор хлопнул в ладоши, подпрыгнул и разразился оглушительным смехом.

— Не может быть! — воскликнул он. — Этого не может быть!

Потом он подбежал ко мне и схватил меня за руку.

— Поздравляю, мой мальчик! — кричал он, трясая мою руку так, что она чуть не отвалилась. — Это победа! Триумф! Почему же я не додумался до такого? Вы гений, сэр! Слава тебе, Дэнни, ты чемпион мира!

— А вон и она, — сказал отец, указывая на дорогу. — Доктор, она едет!

— Кто едет? — спросил доктор.

— Миссис Клипстоун.

Он произнёс это с гордостью, словно командир, докладывающий о своём храбрейшем офицере.

Мы трое стояли у бензоколонки и смотрели на дорогу.

— Вы видите её? — спросил мой отец.

Я разглядел вдалеке невысокую фигурку, направляющуюся к нам.

— Папа, что она толкает перед собой?

Отец бросил на меня хитрый взгляд.

— Есть только один безопасный способ доставки фазанов — под ребёнком.

— Под ребёнком? — переспросил доктор.

— Конечно. В коляске, с ребёнком наверху.

— Гениально! — воскликнул доктор Спенсер.

— Мой старик придумал этот способ много-много лет назад, — пояснил отец. — И он ещё ни разу не подводил.

— Это гениально, — повторил доктор. — Только гениальный человек мог придумать такое.

— Он и был гениальным человеком, — сказал отец. — Теперь вы её видите, доктор? А в коляске сидит Кристофер Клипстоун. Ему полтора года. Чудесный ребёнок.

— Я принимал его, — сказал доктор Спенсер. — Он весил восемь фунтов три унции.

Теперь я различал маленького ребёнка, сидящего в высокой коляске со сложенным верхом.

— Можешь себе представить, под этой крохой больше сотни фазанов! — со счастливой улыбкой сказал отец.

— Нельзя уложить сотню фазанов в детскую коляску! — сказал доктор Спенсер. — Не смеши! Это абсурд какой-то!

— Можно, если коляску специально смастерили для главного дела, как говаривал мой отец. Она должна быть сверхдлинной, сверхглубокой и сверхширокой. В такую коляску можно затолкать корову, не то что сотню фазанов и младенца.

— Папа, а ты сам её сделал? — спросил я.

— Более-менее, Дэнни. Помнишь тот день, когда я проводил тебя в школу и пошёл за изюмом?

— Это было позавчера, — напомнил я.

— Ну да. Так вот. После этого я прямиком направился к викарию и переделал их коляску в специальную экстрабольшую охотничью модель. Это красавица, настоящая красавица. Подождите, вы сами её увидите. Миссис Клипстоун говорит, что теперь её толкать стало легче. Когда я закончил работу, она опробовала её на заднем дворе.

— Фантастика! — снова сказал доктор Спенсер. — Просто фантастика!

— Ничего особенного, — продолжал отец. — Нужно только купить обыкновенную детскую коляску.

— А где же сидит ребёнок? — спросил доктор.

— Сверху, конечно, — ответил отец. — Нужно всего лишь накрыть фазанов простынкой, а на неё посадить ребёнка. Матрац из фазанов — самый лучший матрац для ребёнка.

— Не сомневаюсь, — сказал доктор.

— У юного Кристофера будет сегодня очень приятная поездка, — заметил отец.

Мы стояли у бензоколонок, поджидая миссис Клипстоун. Было тёплое безветренное октябрьское утро, в воздухе чувствовался запах приближающейся грозы.

«Самое чудесное в моём отце, — думал я, — его способность всегда удивлять меня». Не проходило ни одного дня, чтобы он не преподносил мне чего-нибудь новенького. Он настоящий маг, достающий из своей шляпы самые необычные предметы. Тележка с ребёнком — одна из них. Я был уверен, что через несколько минут появится что-нибудь ещё.

— Кажется, она ужасно спешит, папа, — сказал я. — Она чуть ли не бежит. Доктор Спенсер, вам так не кажется?

— Надо полагать, ей хочется побыстрее разгрузить тележку, — предположил доктор.

Отец прищурился, вглядываясь в приближающуюся фигуру.

— Да, она, кажется, немного спешит, — осторожно сказал он.

— Она очень спешит, — уточнил я.

Наступила пауза. Отец не отрывал взгляда от стремительно несущейся леди.

— Наверное, боится попасть под дождь, — наконец произнёс он. — Спорим, так оно и есть. Она думает, что сейчас начнётся дождь, и не хочет, чтобы ребёнок промок.

— Тогда она могла бы поднять верх коляски, — заметил я.

Отец ничего не ответил.

— Она бежит! — закричал доктор Спенсер. — Смотрите!

Действительно, миссис Клипстоун неожиданно пустилась бежать.

Отец стоял не сводя с неё глаз. Мне показалось, что в наступившей тишине слышится плач ребёнка.

— Папа, что происходит?

Он молчал.

— С ребёнком что-то случилось, — высказал предположение доктор Спенсер. — Вслушайтесь!

Миссис Клипстоун была примерно в ста ярдах от нас, но с невероятной скоростью сокращала это расстояние.

— Папа, теперь ты слышишь плач?

— Да, теперь слышу.

— Он кричит как резаный, — заметил доктор Спенсер.

Тоненький пронзительный голосок слышался всё отчетливее.

— У него приступ, — сказал отец. — Хорошо, что у нас под рукой есть доктор.

Доктор Спенсер ничего не ответил.

— Вот почему она бежит, доктор. У него приступ. Она хочет побыстрее добежать сюда и сунуть его под холодную воду.

— Какой-то шум, — сказал я.

— Если это и не приступ, — произнёс отец, — бьюсь об заклад, это что-то вроде того.

— Сомневаюсь, что это приступ, — проговорил доктор.

— Голубчик, ты не забудь...

— Вот...

ониди

оказалось

де

— прел

хвалит это

оте влещаясь

Зрели

— Кажется, она у

я дождя...

не кажется

ротик

завыл

о

шлю

ск

ми

ар

вен прел

мазурка

ребенок промок

— Каждый день с такими маленькими детьми, как этот, случаются тысячи разных вещей. Разве нет, доктор? — спросил отец.

— Да, конечно, каждый день, — рассеянно ответил доктор Спенсер.

— Я знал ребёнка, который сунул руку в колесо коляски, — сказал отец. — Ему отрезало пальцы. — Доктор улыбнулся. — Что бы то ни было, я бы хотел, чтобы она остановилась. Так всю игру можно испортить.

За коляской появился длинный трейлер, гружённый кирпичами. Водитель замедлил ход и высунулся из окна. Миссис Клипстоун не обратила на него никакого внимания и продолжила бег. Она была уже совсем близко. Я видел её покрасневшее лицо с широко открытым ртом, глотавшим воздух. На руках у неё были белые перчатки, на голове — маленькая смешная белая шляпка, похожая на гриб.

Неожиданно из коляски вылетел огромный фазан.

У отца вырвался крик ужаса.

Водитель грузовика разразился громким хохотом.

Несколько секунд фазан неуверенно махал крыльями, потом потерял высоту и упал на траву у дороги.

— Ничего себе! — воскликнул доктор Спенсер. — Вы только посмотрите!

За грузовиком встала машина бакалейщика и начала сигналить, требуя, чтобы ей дали дорогу. Миссис Клипстоун продолжала бежать.

Вдруг второй фазан — хоп! — вылетел из коляски. Потом третий, потом четвёртый.

— Святые угодники! — воскликнул доктор Спенсер. — Я понял, в чём дело. Снотворное. Оно перестало действовать!

Отец не произнёс ни слова.

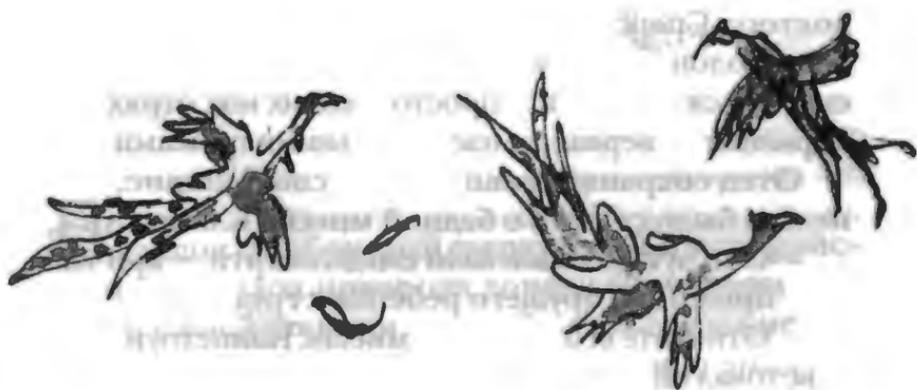
Миссис Клипстоун на огромной скорости проделала последние пятьдесят ярдов и вбежала на заправочную станцию. Птицы вылетали из коляски и уносились кто куда.

— Что случилось? — взвизгнула миссис Клипстоун.

Она резко остановилась у первой бензоколонки и выхватила из коляски кричащего во всю силу своих лёгких Кристофера.

Почувствовав неожиданную свободу, целая туча фазанов вылетела из гигантской коляски. Должно быть, их было больше сотни, потому что всё небо над нами заполнилось огромными коричневыми птицами, машущими крыльями.

— Снотворное не может действовать вечно, — проговорил доктор Спенсер, печально качая головой. — Наутро от него все начинают отходить.

Однако фазаны были ещё слишком одурманенными, чтобы улететь далеко. Через несколько секунд они приземлились и, как саранча, усеяли всё пространство станции. Они сидели, крыло к крылу, на крыше мастерской, добрая дюжина пристроилась на подоконнике нашей конторы. Некоторые уселись на полку со смазочными маслами, другие облюбовали капот машины

доктора Спенсера. Одна курочка приземлилась на бензополонке, а несколько птиц, ещё не до конца проснувшихся, разлеглись просто у наших ног, отряхивая перышки и сверкая на нас маленькими глазками.

Отец сохранял удивительное спокойствие, чего нельзя было сказать о бедной миссис Клипстоун.

— Они чуть не заклевали его до смерти, — кричала она, прижимая орущего ребёнка к груди.

— Отнесите его в фургон, миссис Клипстоун, — посоветовал ей отец. — Эти птицы нервнируют его. А ты, Дэнни, быстро заведи коляску в мастерскую.

На дороге уже выстроился длинный ряд машин. Люди выходили из них и переходили дорогу, чтобы взглянуть на фазанов.

— Папа, смотри, кто сюда едет!

Сзади выехала машина миссис Клипстоун. Она была в ужасе. Её муж сидел в коляске, которую она везла. Птицы вылетали из коляски и уносились кто куда.

— Что случилось? — кричала миссис Клип-

стоун. Её муж кричал, хватаясь за бензополонки и выхватывая из своих лёгких Кристин.

Потом он кричал, хватаясь за бензополонки и выхватывая из своих лёгких Кристин. Он кричал, хватаясь за бензополонки и выхватывая из своих лёгких Кристин.

— Спотворное проговорил доктор Спенсер. — Наутро от него все начинают отходить.

До свидания, мистер Хейзл

Большой серебристый сверкающий «роллс-ройс» вынырнул из-за поворота дороги и притормозил около нашей станции. За рулём я разглядел необъятную, розовую от пива физиономию мистера Виктора Хейзла, уставившегося на фазанов. Я видел, как у него отвисла челюсть, глаза выкатились из орбит, а лицо побагровело.

Дверца машины открылась, и он ступил на дорогу. На нём были жёлто-коричневые брюки для верховой езды и высокие начищенные сапоги. На толстой шее болтался жёлтый шёлковый шарф в красный горошек, а на голове лежало что-то напоминающее котелок. Большая охота должна была

вот-вот начаться, и мистер Хейзл ехал навстречу гостям.

Дверь «роллс-ройса» он оставил открытой и пошёл на нас, словно разъярённый бык. Мой отец, доктор Спенсер и я стояли рядом, поджидая его. Он принялся кричать на нас, как только поставил ногу на землю. И кричал ещё долго после этого. Думаю, вам хотелось бы знать, что именно он кричал, но повторить это я не могу. Из его рта вылетали слова, которых я никогда раньше не слышал и, надеюсь, не услышу. На губах появилась пена и потекла по подбородку.

Я бросил взгляд на отца. Он стоял совершенно неподвижно и терпеливо ждал, когда Виктор Хейзл иссякнет. Щёки у отца снова порозовели, и я заметил: в его глазах искрилась улыбка.

Доктор Спенсер тоже казался совершенно спокойным. Он смотрел на мистера Хейзла так, как смотрят на слизняка, свернувшегося на листе салата.

Что касается меня, то я страшно нервничал.

— Это не *ваши* фазаны, — сказал наконец мой отец. — Это мои фазаны.

— Твои? — завопил мистер Хейзл. — Парень, я здесь единственный человек в округе, у кого могут быть фазаны.

— Они на моей земле, — тихо возразил отец. — Они прилетели на мою землю. До тех пор пока они снова куда-нибудь не улетят, они принадлежат мне. Разве ты не знаешь законов, старый бабуин?

При этих словах доктор Спенсер хихикнул. Лицо мистера Хейзла из багрового превратилось в фиолетовое. Он с яростью уставился на моего отца. Затем на фазанов, рассеявшихся по всей станции.

— Что такое с ними? Что ты с ними еделал?

В этот момент, величественно нажимая на педали своего чёрного велосипеда, появилась рука закона в лице сержанта Эноха Сэмувейза, одетого в синюю униформу с блестящими серебряными пуговицами. Для меня всегда оставалось загадкой способность сержанта с любого расстояния учуять непорядок. Будь то мальчишки, подравшиеся на мостовой, или двое автолюбителей, споривших по поводу разбитого бампера, сержант Сэмувейз был тут как тут.

Мы смотрели, как он подходит, и лёгкое смятение охватило всю компанию. Думаю, так происходит,

— Это возразит — е
 снова нно жоп хэт од .мзмэс
 король или президент **входят** в комнату, пол-
 ную болтающих людей. Все мгновенно перестают
 разговаривать и стоят очень тихо — в знак уважения
 к могущественным или важным персонам.

Сержант Сэмуйейз слез с велосипеда и стал остро-
 рожно прокладывать себе путь сквозь стаю фазанов,
 устроившихся на земле. На лице его не было ни гне-
 ва, ни тени удивления, вообще никаких чувств. Оно
 было спокойным и бесстрастным, каким и должно
 быть лицо блюстителя порядка.

Добрые полминуты его глаза медленно скользили
 по территории заправочной станции, разглядывая
 рассевшихся на земле фазанов. Все мы, включая
 мистера Хейла, замерли, ожидая приговора.
 — проговорил наконец сержант
 Сэмуйейз, раздувая щёки и не обращаясь ни к кому
 в частности. — Могу я спросить, что здесь происхо-

— Я скажу вам, что происходит! — закричал мистер Хейзл, надвигаясь на полицейского. — Это мои фазаны, а этот жулик, — он ткнул пальцем в моего отца, — переманил их из моего леса на свою паршивую станцию.

— Переманил? — спросил сержант Сэмுவейз, глядя то на мистера Хейзла, то на нас. — Вы сказали, переманил?

— Конечно, он переманил их!

— Ну-ну, весьма интересное обвинение. Весьма, — сказал сержант, осторожно прислоняя велосипед к одной из бензоколонок. — Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь переманивал фазанов из лесов за шесть миль отсюда. Или вы думаете, это похищение?

— Не спрашивайте меня, что я думаю. Я не знаю, как он это сделал, — завопил мистер Хейзл, — но он *сделал!* И вот все мои самые отменные птицы сидят здесь, на этой занюханной станции, вместо того чтобы находиться в моём лесу! — Слова текли изо рта мистера Хейзла, как горячая лава из жерла вулкана.

— Прав ли я в своём предположении, что сегодня тот самый день, назначенный вами для Большой охоты, мистер Хейзл?

— В том-то всё и дело! — закричал тот, постукивая сержанта указательным пальцем по груди, словно печатал на машинке. — И если мои птицы прямо сейчас не вернутся в мой лес, некоторые очень важные особы сильно рассердятся. И кстати, один из моих гостей — я хочу, сержант, чтобы вы это знали, — ваш начальник, главный констебль графства. Так что на вашем месте я бы незамедлительно предпринял определённые шаги, если не хотите потерять сержантские нашивки.

Сержант Сэмувейз не любил людей, которые тычут его пальцем в грудь, особенно если это мистер Хейзл, и он немедленно это продемонстрировал: сержант так сильно закусил нижнюю губу, что его усы ожили и подпрыгнули, словно какое-нибудь маленькое ощетинившееся животное.

— Одну минуту, — сказал он. — Одну минуту, пожалуйста. Правильно ли я понял вас? Вы обвиняете этого джентльмена в краже?

— Конечно! Я знаю, это его рук дело.

— А у вас есть доказательства, подтверждающие это обвинение?

— Вы что, ослепли? Посмотрите вокруг! — заорал мистер Хейзл.

Теперь выступил вперёд мой отец:

— Вы точно знаете, как эти фазаны здесь оказались? — мягко спросил он.

— Конечно, я *не знаю*, как они здесь оказались! — проревел мистер Хейзл.

— Тогда я вам скажу, — продолжал отец. — Всё очень просто. Фазаны знали, что, если они сегодня останутся в вашем лесу, за ними будут охотиться люди с ружьями. Вот и перелетели сюда, чтобы переждать, пока закончится охота.

— Чушь! — прорычал мистер Хейзл.

— Совсем не чушь, — сказал отец. — Фазаны — весьма мудрые птицы, не правда ли, доктор?

— Эти птицы обладают потрясающими мыслительными способностями, — подтвердил доктор Спенсер. — Они точно знают, что произойдёт.

— Несомненно, быть застреленными главным констеблем графства — большая честь. И ещё бóльшая честь быть съеденными лордом Тистлтвейтом. Но я не думаю, что фазаны разбираются в вопросах чести.

— Вы негодяи, вы оба! — заорал мистер Хейзл.

— Успокойтесь, — сказал сержант Самувейз. — Оскорбления ни к чему хорошему не приведут. Джентльмены, у меня есть к вам предложение. Почему бы вам не собраться с силами и не вернуть этих птиц к дороге, ведущей во владения мистера Хейзла. Что вы думаете, мистер Хейзл?

— Думаю, это будет правильно. Приступайте.

— А что скажешь ты, Уильям? — спросил сержант моего отца. — Ты согласен?

— По-моему, это блестящая идея, — ответил отец, бросая на сержанта один из своих лукавых взглядов. — Буду рад помочь, и Дэнни тоже.

Я не мог взять в толк, что происходит, потому что, если отец смотрел на кого-нибудь таким вот взглядом, значит, должно произойти нечто забавное. Я заметил, что в обычно суровых глазах сержанта Самувейза заплясали искорки.

— Вперёд, ребята! — воскликнул он. — Давайте отправим этих ленивых птиц на дорогу!

С этими словами он начал обходить станцию, махать на фазанов руками и кричать:

— Кыш! Кыш! Кыш! Уходите отсюда! Прочь! Прочь!

Мы с отцом присоединились к этому довольно нелепому занятию, и вскоре второй раз за это утро тучи фазанов поднялись в воздух, размахивая своими огромными крыльями. Только тогда я осознал: чтобы перебраться к дороге, птицам необходимо пролететь над сверкающим «роллс-ройсом» мистера Хейзла — его машина с открытой дверцей как раз стояла на их пути. Большинство птиц было ещё слишком одурманено снотворным, чтобы преодолеть это препятствие, и поэтому они тут же падали на верх

большой серебряной машины. Фазаны усаживались на крышу, на капот, скользили и падали, стараясь удержаться на гладкой поверхности. Я слышал, как они скребут по металлу своими коготками, сдирая краску и оставляя грязь, собранную на земле.

— Уберите их! — заорал мистер Хейзл. — Уберите!

— Не переживайте, мистер Хейзл, — прокричал в ответ сержант Сэмувейз. — Мы их всех соберём! Эй, ребята, гоните их к дороге!

Менее чем через минуту машина была буквально облеплена птицами, скребущими, царапающими, сдирающими блестящую серебряную краску. Более того: не меньше дюжины птиц через открытую дверь забралось в салон и расположилось на водительском сиденье. Не знаю, направил ли их туда сержант

Сэмувейз или нет, но это произошло так быстро, что мистер Хейзл ничего не заметил.

— Уберите этих птиц от моей машины! — надрылся мистер Хейзл. — Вы что, не видите, они царапают краску!

— Царапают краску? — удивился сержант Сэмувейз. — Где?

Он перестал гонять фазанов, посмотрел на мистера Хейзла и печально покачал головой.

— Мы сделали всё, что могли, чтобы отогнать их к дороге. Видно, они нас не поняли.

— Моя машина! — вопил мистер Хейзл. — Убери их от машины!

— А, ваша машина, — протянул сержант. — Я понимаю, что вы имеете в виду, сэр. Мерзкие грязные птицы эти фазаны! Почему бы вам не сесть за руль и не уехать побыстрее? Тогда они оставят машину в покое.

Мистер Хейзл, который, кажется, только и искал предлог, чтобы убраться из этого сумасшедшего дома, рванулся к открытой дверце и шлёпнулся на переднее сиденье.

Сержант Сэмвейз захлопнул за ним дверцу, и неожиданно из салона донёлся адский шум. Не меньше дюжины фазанов с пронзительным криком взлетели с сиденья и стали кружить над головой мистера Хейзла.

— Езжайте, мистер Хейзл! — крикнул ему сержант Сэмвейз в окно строгим полицейским голосом. — Гоните, гоните! Не обращайтесь внимания на птиц. Жмите на газ!

Выбора у мистера Хейзла не было. Он завёл машину, и огромный «ралли-ройс» исчез в облаке фазанов, разлетающихся во все стороны.

Потом случилось нечто совершенно удивительное. Фазаны, свалившиеся с капота машины, остались в воздухе. Они не падали вниз, как мы ожидали, а летели и летели — над нашим фургоном, над заправочной станцией, над полем за нашим фургоном, над соседним с ним полем, над вершиной холма, а потом скрылись из вида.

— Бог мой! — воскликнул доктор Спенсер. — Вы только посмотрите! Они пришли в себя! Снотворное больше не действует.

Оставшиеся фазаны начали просыпаться. Они вытягивали свои длинные ноги, встряхивали перья и быстро вертели головами. Две-три птицы начали носиться по подъездному пути, и вскоре уже все фазаны замелькали у нас перед глазами. Сержант Сэмувейз хлопнул в ладоши, целая стая птиц взметнулась в воздух, пролетела над заправочной станцией и скрылась. Не осталось ни одного фазана. Но что интересно, ни одна из птиц не полетела в сторону леса мистера Хейзла. Все они скрылись точно в противоположном направлении.

Сюрприз доктора Спенсера

На обочине главной дороги вытянулось в ряд не меньше двадцати автомобилей, припаркованных близко друг к другу. Неподалёку стояли группы людей, они смеялись и обсуждали удивительное происшествие, очевидцами которого только что стали.

— Ну всё, расходитесь! — крикнул сержант Сэмுவейз, направляясь к ним. — Садитесь в машины! Вы блокируете дорогу.

Не было случая, чтобы кто-нибудь не подчинился сержанту Сэмувейзу. И вскоре люди начали расходиться по своим машинам. Через минуту на дороге уже никого не осталось. Только мы: доктор Спенсер, сержант, отец и я.

— Ну, Уилли, — сказал сержант Сэмувейз, подходя к нам, — такого я не видел за всю свою жизнь.

— Красивое зрелище, — согласился доктор Спенсер. — Очень красивое. А тебе разве не понравилось, Дэнни?

— Очень понравилось, — ответил я.

— Жаль, мы их потеряли, — сказал отец. — У меня чуть сердце не остановилось, когда они вырвались из коляски. Я сразу понял тогда, чем всё закончится.

— Но кто, во имя всех святых, поймал их? — спросил сержант Сэмувейз. — Это ты сделал, Уилли? Ну же, парень, скажи мне

Отец изложил ему всё как было. Коротко, без деталей и подробностей. И всё же история получилась что надо. По ходу рассказа сержант постоянно

восклицал: «Чёрт подери! Не верю ушам своим!»
А когда отец закончил повествование, сержант у-
ставил свой длинный полицейский палец прямо мне
в лицо и прокричал:

— Клянусь, никогда бы не подумал, что какой-
нибудь малец вроде тебя может придумать такое!
Поздравляю, молодой человек!

— Он далеко пойдёт, юный Дэнни. Вот увидите.
Однажды он станет великим изобретателем! — сказал
доктор Спенсер.

Услышать такие слова от двоих мужчин, которы-
ми после отца я восторгался больше всего на свете,
было очень приятно. Я покраснел от удовольствия.
Пока я стоял и подбирал слова, чтобы выразить
свою благодарность, женский голос позади меня
воскликнул:

— Слава богу, что всё кончилось!

Конечно же, это была миссис Клипстоун. Она
осторожно спускалась по ступенькам фургона, держа
на руках Кристофера.

— В жизни такого не видела!

Маленькая белая шляпка всё ещё торчала у неё на голове, на руках были белые перчатки.

— Что это за сборище? — сказала она, направляясь к нам. — Что это за сборище затейников и шалопаев! Доброе утро, Энох!

— Доброе утро, миссис Клипстоун! — сказал сержант Сэмுவейз.

— Как малыш? — спросил мой отец.

— Спасибо, Уильям, ему лучше. Хотя, боюсь, без последствий это не останется.

— Всё будет в порядке, — успокоил её доктор Спенсер. — Дети — они стойкие.

— Мне всё равно, стойкие они или нет! — заявила миссис Клипстоун. — А как бы вам понравилось, если бы вас взяли на прогулку прекрасным осенним днём... И вы бы сидели на чудесном мягком матрасе... И вдруг он оживает и вас начинает раскачивать на нём... Как на морских волнах... А потом сотни птичьих клювов впиваются в вас и того и гляди растерзают...

Доктор склонил голову на одну сторону, на другую и улыбнулся миссис Клипстоун.

— Вы считаете, что это смешно? — закричала она. — Хорошо, доктор Спенсер, вы дождётесь. Как-нибудь я подложу вам под матрас несколько змей или крокодила. Посмотрим, как вам это понравится!

Сержант Сэмувейз выкатил из-за бензоколонки свой велосипед.

— Ну, леди и джентльмены, я должен покинуть вас, вдруг кто-нибудь ещё попал в беду.

— Энох, прости, что доставили тебе столько хлопот, — сказал мой отец. — И огромное спасибо за помощь.

— Да я бы всю жизнь жалел, если бы пропустил такое! Но я правда расстроился, что эти прекрасные птички просочились у нас между пальцев. Нет блюда вкуснее, чем жареный фазан!

— А уж викарий-то расстроится ещё больше, чем вы, — заявила миссис Клипстоун. — Он целое утро толковал о том, что будет есть на ужин жареного фазана!

— Придётся ему смириться, — сказал доктор Спенсер.

— Он никогда с этим не смирится, в чём весь позор, — возразила миссис Клипстоун. — Потому, что теперь я приготовлю ему на ужин ужасное замороженное филе трески, а он её терпеть не может.

— Неужели вы всех фазанов положили в коляску? — спросил её отец. — Я хочу сказать, вы могли бы оставить дюжину для себя с викарием.

— Знаю, знаю, — сокрушённо сказала миссис Клипстоун. — Но я так волновалась, что придётся ехать по деревне с Кристофером, сидящим на ста двадцати птицах, что просто забыла отложить что-нибудь для себя. А теперь вот, пожалуйста, не осталось ни одной! Пропал у викария ужин!

Доктор подошёл к миссис Клипстоун и взял её под руку:

— Пойдёмте со мной, я хочу кое-что вам показать.

Он повёл её в нашу мастерскую с широко открытыми дверями.

Мы остались ждать на месте.

— Бог мой! Идите сюда, вы только взгляните на это! — крикнула нам миссис Клипстоун из мастерской. — Уильям! Энох! Дэнни!

Мы поспешили на зов и вошли в мастерскую.

Зрелище было потрясающее.

На скамье среди гаечных ключей и маслянистых тряпок лежало шесть великолепных фазанов, три самца и три самочки.

— Пожалуйста, леди и джентльмены, — сказал доктор, поводя рукой. Его морщинистое лицо светилось от удовольствия. — Как вам?

Мы потеряли дар речи.

— Две для вас, Грейс. Поднимите настроение викарию, — продолжал доктор Спенсер. — Две для Эноха за его утренние труды. И две для Уильяма и Дэнни, которые заслужили их больше всех.

— А как же вы, доктор? — спросил мой отец. — При таком раскладе ничего не останется для вас.

— У моей жены дел хватает, нечего ей весь день ощипывать фазанов, — сказал доктор Спенсер. — Да и вообще, кто их добыл? Ты и Дэнни.

— Но как у вас это получилось? Когда вы их стащили? — удивился отец.

— Я их не стащил. Это результат моей интуиции.

— Интуиции?

— Всё предельно просто, — ответил доктор. — Я подумал, что некоторые фазаны наверняка съели больше одной изюмины, другие вообще могли заглотить десяток. В таком случае у них случится передозировка снотворного и они уже никогда не проснутся.

— Ага! — воскликнули мы. — Конечно! Конечно!

— Пока вы загоняли птиц на «роллс-ройс» старины Хейзла, я проскользнул сюда и заглянул в коляску. И вот — пожалуйста.

— Невероятно! — воскликнул сержант Сэмувейз. — Потрясающе!

— Они были особенно жадными, — пояснил доктор. — Жадность их и погубила.

— Великолепно! — сказал мой отец. — Хорошо сработано, сэр.

— О, вы такой милый! — воскликнула миссис Клипстоун, целуя доктора в щёку.

— Пойдёмте, — сказал ей доктор. — Я подвезу вас до дома. Эту жуткую детскую коляску лучше оставить здесь. А ваших птиц, Энох, мы забросим к вам домой. Нельзя же, чтобы страж закона разъезжал по деревне со связкой фазанов на руле.

— Очень вам признателен, доктор, — сказал сержант Сэмвейз.

Мы с отцом загрузили четырёх фазанов в багажник докторской машины. Миссис Клипстоун с ребёнком устроилась на переднем сиденье, а доктор сел за руль.

— Не грусти, Уильям, — отъезжая, сказал он моему отцу. — Всё равно эта была настоящая победа.

Сержант Сэмвейз сел на велосипед, помахал нам на прощание и поехал в сторону деревни. Он медленно крутил педали, и в его посадке чувствовалось некая торжественность: голова высоко поднята, спина прямая. Как будто он ехал на чистокровном жеребце, а не на старом чёрном велосипеде.

Мой отец

Вот всё и закончилось. Мы с отцом остались одни у нашей мастерской и неожиданно почувствовали, как тихо было вокруг.

— Ну, Дэнни, — сказал отец, и глаза его засветились. — Вот и всё.

— Было весело, папа.

— Да, весело, — согласился он.

— Мне в самом деле понравилось.

— Мне тоже, Дэнни.

Отец положил мне руку на плечо, и мы медленно пошли к фургону.

— Может, закроем станцию и возьмём выходной? — предложил он.

— Хочешь сказать, не будем вообще открываться?

— А зачем? В конце концов, сегодня суббота, не так ли?

— Но мы всегда работаем по субботам. И по воскресеньям тоже.

— А почему бы нам не сделать исключение? Могли бы заняться чем-нибудь интересным.

Я ждал, гадая, что последует дальше.

Когда мы подошли к фургону, отец поднялся по ступенькам и уселся на пороге, свесив ноги. Я пристроился рядом.

Очень уютное местечко, этот настил у фургона. У людей, которые живут в домах, есть крыльцо у входа или терраса с большим креслом, но я ни за что бы с ними не поменялся.

— Я знаю одно местечко примерно в трёх милях отсюда, — сказал мой отец, — за Кобблер-Хилл, на другой стороне, там, где есть небольшая лиственная рощица. А через неё протекает ручей.

— Ручей? — переспросил я.

Отец кивнул и снова бросил на меня озорной взгляд.

— Ручей, полный форели.

— О, и мы можем туда пойти?

— А почему бы и нет? Попробуем ловить форель тем способом, о котором нам рассказал доктор Спенсер.

— Ты меня научишь? — спросил я.

— Угу, что касается форели, тут я не мастак. Меня больше интересуют фазаны. Но поучиться всегда можно.

— И мы можем пойти прямо сейчас? — спросил я.

— Вообще-то я подумывал сначала заглянуть в деревню и купить электроплиту, — сказал отец. — Ты, надеюсь, не забыл об этом?

— Но, папа, мы хотели купить её, когда думали, что у нас будет много фазанов. Что же мы теперь будем жарить?

— У нас есть два фазана, те, что дал доктор. Но если нам улыбнётся удача, через некоторое время у нас их будет целая куча. В любом случае пришло время купить плиту, на ней мы сможем пожарить свинину, бараньи рёбра или говядину, вместо того чтобы всё время есть разогретые консервы. Ты ведь не против?

— Конечно, нет, — сказал я. — Папа, а ты сможешь приготовить своё самое любимое блюдо?

— А что это?

— Бифштекс, запечённый в тесте.

— Конечно! — воскликнул он. — Это первое, что я сделаю, когда у нас появится электрическая плита. Я приготовлю его на огромной сковороде, как моя мама, с йоркширским пудингом, с поджаристой корочкой, большими пузырчатыми горами и сосисками между ними!

— Папа, нам могут поставить плиту сегодня? Её сразу привезут?

— Возможно. Посмотрим, Дэнни.

— Может, мы сейчас же сделаем заказ по телефону?

— Нет, мы должны лично пойти к мистеру Уилеру и тщательно осмотреть все модели.

— Хорошо, но давай пойдём сейчас.

Эта идея с плитой мне очень понравилась. Хотелось как можно скорее попробовать бифштекс, жареную свинину и другие вкусные блюда.

Отец встал.

— Когда мы решим всё с плитой, то пойдём к ручью, попробуем поймать большую радужную форель. Возьмём с собой бутерброды и перекусим у ручья. Чудесный нам денёк предстоит.

Несколько минут спустя мы шли хорошо знакомой дорогой в деревню, чтобы купить плиту. Железная ступня моего отца цокала по твёрдой поверхности и большие чёрные грозовые облака медленно надвигались на долину.

— Папа?

— Да, мой милый.

— Когда мы с тобой приготовим фазана на нашей новой плите, как ты думаешь, мы можем пригла-

сать доктора Спенсера и миссис Спенсер к нам на ужин?

— Боже мой, какая замечательная идея! — воскликнул отец. — Именно так. Мы устроим ужин в их честь.

— Вот только... Поместимся ли мы все в нашем фургоне?

— Думаю, места хватит.

— Но у нас только два стула.

— Это не проблема, Дэнни. Мы с тобой сядем на ящики.

— Но у нас нет скатерти, папа.

Отец помолчал, а потом произнёс:

— Вот скатерть нам действительно необходима. Без этого мы не можем пригласить на ужин доктора Спенсера и его жену. Придумал! Мы постелим одну из наших простыней. Скатерть и есть что-то вроде простыни для стола.

— А как насчёт ножей и вилок? — спросил я.

— А сколько их у нас?

— Два ножа и две вилки, да и те погнутые.

— Мы купим пару ножей и вилок, — сказал на это отец. — И дадим их нашим гостям, а сами будем есть старыми.

— Хорошо! — обрадовался я. — Очень хорошо.

Я взял отца за руку. Он стиснул мои пальцы своими длинными пальцами, и так, решив все вопросы, мы шли в деревню, чтобы придирчиво осмотреть все плиты и поговорить о них с мистером Уилером.

А потом?

А потом мы вернёмся домой и сделаем несколько бутербродов на обед.

А потом?

А потом, с бутербродом в кармане, отправимся в Кобблер-Хилл, в маленькую лиственничную рощицу, по которой протекает ручей.

А потом?

Может быть, мы поймем радужную форель,

А потом?

А потом будет что-то ещё.

А потом?

Потом опять будет что-то ещё!

Потому, что я хочу сказать вам... Потому, что я хочу вам сказать. мой отец, без сомнения, самый замечательный, самый удивительный отец на свете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заправочная станция	5
Дружелюбный Гигант	11
Машины, воздушный змей и огненные шары	16
Страшная тайна отца	24
Секретный способ	33
Мистер Виктор Хейзл	41
Малютка «остин»	48
Яма	59
Доктор Спенсер	71
Большой охотничий сбор	78
«Спящая красавица»	87
Четверг и школа	93
Пятница	109
В лесу	114
Сторож	125
Чемпион мира	131
Такси	141
Дома	146
Спи, малыш	152
До свидания, мистер Хейзл	163
Сюрприз доктора Спенсера	174
Мой отец	181

**ДЕТЯМ,
ПРОЧИТАВШИМ ЭТУ КНИГУ**

*Когда вы вырастите
и у вас будут собственные дети,
пожалуйста, помните:
общение со скучными родителями
не доставляет им радости.*

*Ребёнок мечтает
и заслуживает вдохновенных
и изобретательных родителей.*

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Родился: Лландафф, Уэльс, 1916.

Образование: Соборная школа, Лландафф. Школа Святого Петра, Рептон.

Профессии: представитель нефтяной компании «Шёлл» в Восточной Африке. Во время Второй мировой войны — лётчик-истребитель, военно-воздушный атташе, писатель.

«Денни — чемпион мира» — единственная книга Роальда Даля, основанная на событиях личной жизни. Когда он переехал в Букингемшир, то подружился с человеком по имени Клод, который работал на местной скотобойне. Клод был страстным охотником и любил побраконьерничать в чужих владениях. Время от времени приятели пробирались в ближайшие леса в самый глухой час ночи, чтобы поохотиться на фазанов. И хотя Роальд Даль ни разу не поймал ни одной птицы, сам процесс охоты его ужасно захватывал. Как и Денни, собственные дети писателя научились водить машину совсем маленькими. Его дочь Офелия умела управлять машиной, когда ей было всего десять лет! Фургон, о котором идёт речь в книге, тот самый небесно-голубой фургончик, что стоит в саду Роальда Даля.

Умер писатель в 1990 году в возрасте семидесяти четырёх лет.

Девиз, которому он следовал всю жизнь:

*С двух сторон зажжена свеча моя,
Но она не сгорит в ночи,
И всех вас, враги, и всех вас, друзья,
Освещают её лучи.*

*Литературно-художественное издание
для младшего школьного возраста*

Даль Роальд

ДЭННИ – ЧЕМПИОН МИРА

Повесть

Ответственный редактор
М. Ю. ТЕПЛОВА
Технический редактор
А. Т. ДОБРЫНИНА
Корректор
Л. А. ЛАЗАРЕВА

*Издание подготовлено компьютерным
центром издательства «РОСМЭН».*

Подписано к печати 24.01.05. Формат 84×108 1/32.
Бум. офс. № 1. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Тираж 7000 экз.
Заказ № 2459. С – 1914.

ЗАО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС».

Почтовый адрес:

125124, Москва, а/я 62. Тел.: (095) 933-71-30.

Юридический адрес:

129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 23, стр. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:

все города России, СНГ:

(095) 933-70-73;

Москва и Московская область:

(095) 933-70-75.

Отпечатано с готовых дилативных издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Даль Р.
Д15 Дэнни – чемпион мира: Повесть/Пер. с англ. М. Осепян и М. Шмелевой. — М.: ЗАО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005. — 188 с.

Дэнни нравится проводить время с отцом. Ведь он рассказывает ему столько интересного, придумывает разные занимательные игры. Но представьте себе, как он изумлен, когда узнает, что его отец нарушает закон. Но несмотря ни на что Дэнни все равно уверен, что его отец самый лучший, самый добрый, самый умный и самый изобретательный.

ISBN 5-353-01914-8

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)

**Уморительные, добрые
и изобретательные книги
классика английской литературы
РОАЛЬДА ДАЛЯ
любят дети во всем мире.**

Дэнни считает своего отца
лучшим человеком на свете.

И представьте себе, как он удивлён,
узнав, что его отец нарушает закон!

Но даже если взрослые иногда и нарушают закон,

Дэнни абсолютно уверен, что его отец
всё равно самый хороший, самый добрый,
умный и полон всяких интересных идей.

Присоединяйся к ним, и вместе с ними
ты претворишь в жизнь

самый захватывающий и дерзкий план
из всех когда-либо существовавших.

I SEN 5-353-01914-8

9 785353 019145

